
R 2/229

ВАРЯГИ И РУСЬ.

Историческое изслѣдованіе С. Гедеонова. 2 ч. СПБ. 1876 г.

Рецензія профессора Ѳ. Фортинскаго.

Прошло около полутораста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ академикъ Байеръ впервые выдвинулъ вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси. Въ продолженіе этого длиннаго періода почти всѣ лучшіе представители русской исторической науки такъ или иначе принимали участіе въ разъясненіи затронутаго Байеромъ вопроса. Каждый изъ нихъ, сообразно съ своими спеціальными занятіями, принесъ свою лепту на это дѣло: одни собирали или, по крайней мѣрѣ, при случаѣ указывали на свидѣтельства византійцевъ о Варангахъ и Руси; другіе сдѣлали тоже самое по отношенію къ восточнымъ писателямъ: арабскимъ, персидскимъ, армянскимъ, китайскимъ; тѣ отмѣтили извѣстія западныхъ лѣтописцевъ, а эти указали на мѣста въ сѣверныхъ сагахъ о сношеніяхъ древнихъ скандинавовъ съ Русью и Византіей; самый крупный вкладъ конечно сдѣлали лица, занимавшіяся русскими и славянскими древностями: они не только собрали и по возможности объяснили всѣ свидѣтельства о Варягахъ-Руси, находящіяся въ памятникахъ древней русской и славянской письменности, но и обратили вниманіе на народныя пѣсни, сказки, повѣрья, на клады, могилы, курганы, на мѣстныя названія и пр.—и во всемъ этомъ разнородномъ матеріалѣ искали данныхъ, которыя могли бы такъ или иначе пригодиться для разъясненія варяго-русскаго вопроса.

Продолжительные поиски по разнымъ отраслямъ знанія за матеріаломъ для разъясненія происхожденія Варяговъ-Руси сами по

себѣ свидѣтельствуютъ, какую важность наши ученые придаютъ выдвинутому Байеромъ вопросу. И неудивительно: то или другое рѣшеніе его можетъ повесть къ измѣненію взгляда на всю древнюю Русь. Эти загадочные Варяги-Русь дали намъ князей, воеводъ, дружинниковъ; въ продолженіе двухъ слишкомъ столѣтій они принимали дѣятельное участіе въ торговыхъ и военныхъ предпріятіяхъ нашихъ предковъ и слѣдовательно должны были оказать вліяніе на все государственное и общественное развитіе восточныхъ славянъ. И какою бы стороною древне-русскаго быта ни вздумалъ заняться современный ученый, ему не избѣжать встрѣчи съ вопросомъ о Варягахъ-Руси и о степени ихъ вліянія въ изучаемой имъ области. Отсюда становится понятнымъ участіе въ разработкѣ варяго-русскаго вопроса представителей различныхъ спеціальностей русской исторической науки, отсюда же объясняется и появленіе у насъ обширной литературы по начальной русской исторіи [1]).

Участіе въ разработкѣ вопроса о Варягахъ-Руси разнородныхъ спеціалистовъ имѣло конечно свои выгоды: оно содѣйствовало накопленію матеріала и разъясненію частностей, но въ то же время оно не мало способствовало и затемнѣнію вопроса въ цѣломъ его составѣ. Несмотря на полуторавѣковые поиски за матеріаломъ по разнымъ отраслямъ знанія, количество данныхъ, прямо пригодныхъ для разъясненія происхожденія Варяговъ-Руси, по сознанію академика Куника, авторитета въ этомъ дѣлѣ, продолжаетъ оставаться крайне ограниченнымъ. При невозможности разрѣшить выдвинутый Байеромъ вопросъ на основаніи прямыхъ и несомнѣнныхъ свидѣтельствъ древности, наши ученые по неволѣ прибѣгаютъ, такъ сказать, къ помощи косвенныхъ уликъ. До насъ напр. не дошло ни одного памятника варяго-русскаго языка, ни одной фразы на немъ, и вотъ для опредѣленія этого главнаго признака принадлежности Варяговъ-Руси къ той или другой народности наши ученые прибѣгаютъ къ филологическому разбору именъ нашихъ первыхъ князей и ихъ приближенныхъ, предположивъ, разумѣется,

[1]) О размѣрахъ литературы по варяжскому вопросу можно судить по обширному указателю, составленному г. Куникомъ, хотя въ него вошли только сочиненія, вышедшія съ 1859 г. по августъ 1875 г. (Каспій. стр. 445—462 и 687—697). Размѣры указателя значительно бы возрасли, если бы къ нему присоединить только монографіи и статьи, появившіяся за послѣдніе два года, не говоря уже о литературѣ до 1859 г.

напередъ, что все это были Варяги, носившіе имена, взятыя изъ языка, на которомъ они говорили; или не встрѣчая ни въ русскихъ, ни въ иноземныхъ памятникахъ указаній на собственно варяго-русскіе нравы, обычаи, вѣрованія, наши изслѣдователи принуждены собирать всѣ свидѣтельства о бытѣ нашихъ предковъ и опредѣлять, какія черты этого быта можно назвать чисто славянскими, и какія — привнесенными извнѣ, и по этимъ послѣднимъ угадывать происхожденіе таинственныхъ Варяговъ-Руси. Очевидно, такой способъ разъясненія варяго-русскаго вопроса требуетъ большаго вниманія и хорошаго знакомства съ данными и пріемами различныхъ наукъ: изслѣдователю одновременно приходится быть лингвистомъ, историкомъ, юристомъ, этнографомъ, археологомъ и пр., иначе малѣйшее упущеніе можетъ повредить всей цѣпи доказательствъ. До какой степени большинство нашихъ изслѣдователей не удовлетворяло этимъ требованіямъ, можно судить уже по той ожесточенной полемикѣ, какую они ведутъ другъ съ другомъ, уличая постоянно одинъ другаго въ невѣжествѣ. Академикъ Куникъ напр. лингвистическія соображенія значительнаго количества нашихъ ученыхъ, принимавшихъ участіе въ «варангомахіи», насмѣшливо обзываетъ Etymologia bovina [1]); покойный Погодинъ въ послѣдніе годы своей жизни мнѣнія своихъ противниковъ, отрицавшихъ норманское происхожденіе Варяговъ-Руси, иначе не называлъ, какъ ересью; извѣстны также ожесточенныя нападки другъ на друга Иловайскаго и его противниковъ. Увлекаясь полемикою изъ за частностей, наши ученые иногда забывали о самомъ варяго-русскомъ вопросѣ или, по крайней мѣрѣ, оставляли безъ должнаго вниманія цѣнныя замѣчанія и соображенія, высказанныя ихъ противниками.

Теперь, если вопросъ о Варягахъ-Руси настолько важенъ, что надъ нимъ вотъ уже полтораста лѣтъ трудятся всѣ лучшіе представители русской исторической науки; настолько сложенъ, что понадобились поиски за матеріаломъ по различнымъ отраслямъ знаній и содѣйствіе всевозможныхъ спеціалистовъ; настолько труденъ, что совмѣстная и продолжительная работа надъ нимъ многихъ ученыхъ не дала доселѣ желаннаго результата и даже повела къ извѣстной путаницѣ,—то при такомъ положеніи дѣла естественно, что всякая попытка пересмотрѣть и рѣшить загадочный вопросъ въ цѣломъ его объемѣ можетъ быть привѣтствуема только съ

---

[1]) Каспій. Стр. 460.

полною признательностію и ожиданіемъ, что наконецъ можетъ быть нашелся мудрецъ, который въ состояніи разоблачить этого загадочнаго сфинкса — Варяговъ-Русь.

Г. Гедеоновъ въ выше-означенномъ изслѣдованіи взялся за эту трудную задачу, и нужно отдать ему честь, взялся не слегка, а послѣ продолжительной и добросовѣстной подготовки. По его собственнымъ словамъ, первая мысль о настоящемъ сочиненіи явилась у него еще въ 1846 году. Прошло пятнадцать лѣтъ прежде, чѣмъ почтенный авторъ рѣшился издать нѣсколько отрывковъ изъ своего изслѣдованія. Чрезъ новыя пятнадцать лѣтъ онъ выпускаетъ его въ цѣломъ составѣ, но и тутъ удерживаетъ въ своемъ портфелѣ нѣсколько главъ, имѣющихъ косвенное отношеніе къ главному вопросу (о Черноморской Руси, о венгерскихъ Русинахъ), не считая ихъ достаточно обработанными [1]). Будемъ надѣяться, что онъ издастъ ихъ со временемъ въ видѣ дополненія къ своему настоящему изслѣдованію.

Велики были приготовленія нашего автора, за то ихъ сопровождалъ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Еще при изданіи первыхъ отрывковъ академикъ Куникъ [2]), одинъ изъ главныхъ представителей норманской системы, призналъ въ г. Гедеоновѣ «рѣшительнаго противника, который, кромѣ того, что строго держится въ предѣлахъ чисто-ученой полемики, отличается отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что не слегка берется за дѣло, а, послѣ довольно обширнаго изученія источниковъ и сочиненій своихъ противниковъ, пытается рѣшить вопросъ новымъ способомъ». О самой системѣ нашего автора до выхода въ свѣтъ всего сочиненія г. Куникъ не нашелъ еще возможнымъ высказать свое мнѣніе, но все же заявилъ: «надобно и теперь признаться, что иное свидѣтельство, считавшееся до сихъ поръ неопровержимымъ или безусловно важнымъ для рѣшенія варяжскаго вопроса, авторъ разсматриваетъ съ новой стороны или указываетъ правильныя границы его рѣшенію», и въ своихъ примѣчаніяхъ къ «отрывкамъ» г. Куникъ дѣйствительно указалъ на рядъ подобныхъ случаевъ. Вслѣдъ за Куникомъ и другіе сторонники норманской системы, не говоря уже о противникахъ ея, отнеслись съ полною похвалою къ книгѣ нашего писателя. Еще не очень давно г. Ламбинъ писалъ: «никто изъ протестовавшихъ (противъ норманской системы) не выступалъ до-

[1]) Введеніе стр. XVIII.

[2]) Отрывки изъ излѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. С. Гедеонова. Приложеніе къ 1 т. Зап. Ак. Наукъ № 3 Спб. 1862. Предисловіе стр. V.

селѣ такъ рѣшительно, съ такою силою, съ такимъ запасомъ учености, какъ г. Гедеоновъ. Онъ, можно сказать, разгромилъ эту доселѣ побѣдоносную систему, созданную трудами цѣлаго ряда ученыхъ; по крайней мѣрѣ расшаталъ ее на столько, что въ прежнемъ видѣ она уже не можетъ быть возстановлена» [1]).

Пятнадцать лѣтъ, протекшихъ между изданіемъ отрывковъ и выходомъ цѣлаго сочиненія, прошли однако не безполезно для норманистовъ. Ошеломленные сперва нападками г. Гедеонова, на ихъ систему они начали потомъ мало по малу собираться съ силами и отъ отдѣльныхъ замѣчаній на его отрывки перешли къ перестройкѣ своей системы въ новомъ видѣ. Въ это время выступили г. Куникъ съ своими Hredgoth'ами, Ламбинъ съ дружиною и династіею Русь. Правда, нашлись союзники и у г. Гедеонова, боровшіеся противъ норманистовъ; но помогая ему, они однако не приняли его теоріи о вендскомъ происхожденіи рюриковичей, а держались своихъ собственныхъ воззрѣній, и слѣдовательно были столько же врагами, сколько и союзниками нашего автора. Таковы напр.: Щегловъ, вернувшійся къ заброшенной теоріи финскаго происхожденія Руси [2]), Иловайскій, признающій Русь туземною и славянскою, но за то отрицающій сказаніе Нестора о призваніи князей, какъ басню, составленную по образцу южнаго преданія о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ [3]). Нашелся только одинъ настоящій союзникъ, допускающій вмѣстѣ съ г. Гедеоновымъ вендское происхожденіе князей, Забѣлинъ [4]), но его книга печаталась одновременно съ изслѣдованіемъ «Варяги и Русь, и потому нашъ авторъ не имѣлъ возможности воспользоваться собраннымъ въ ней матеріаломъ. При такомъ положеніи дѣла на долю г. Гедеонова выпало одновременно бороться и съ возродившимся норманизмомъ, и съ своими новыми союзниками — врагами, и наконецъ докончить главы своего изслѣдованія, остававшіяся до тѣхъ поръ неизданными. Такъ онъ и дѣлаетъ: переиздавая свои «отрывки», г. Ге-

---

[1]) Н. Ламбинъ. *Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси.* Въ Ж. М. Н. Пр. 1874 г. іюнь стр. 228.

[2]) Д. Ѳ. Щегловъ. *Первыя страницы русской исторіи.* Въ Ж. М. Н. Пр. 1876 г. май и іюнь.

[3]) Рядъ статей, помѣщенныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ и др. періодическихъ изданіяхъ, начиная съ 1871 г. (Каспій стр. 448), теперь сгрупированъ, передѣланъ и изданъ отдѣльною книгою: *Разысканія о началѣ Руси.* Москва 1876.

[4]) И. Забѣлинъ. *Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ.* 1 ч. Москва. 1876.

деновъ сокращаетъ ихъ тамъ, гдѣ противники признали справедливость его возраженій и отказались отъ своихъ прежнихъ мнѣній, и наоборотъ пополняетъ и видоизмѣняетъ ихъ въ другихъ мѣстахъ, сообразно съ современнымъ положеніемъ варяжскаго вопроса. Что касается до новыхъ главъ, то онѣ частію представляютъ рядъ возраженій противъ норманской системы, не вошедшихъ въ составъ отрывковъ, а главнымъ образомъ даютъ болѣе ясное понятіе о системѣ самого автора и объ основаніяхъ, на которыхъ онъ ее построилъ.

Несмотря на все искусство, съ какимъ г. Гедеоновъ сдѣлалъ пополненія и измѣненія въ своихъ отрывкахъ, нельзя сказать, чтобы онъ успѣлъ придать всему изслѣдованію вполнѣ цѣльный характеръ. Сообразно съ своимъ основнымъ взглядомъ на Варяговъ-Русь, какъ на двѣ отдѣльныя народности, онъ раздѣлилъ свою книгу на двѣ части и одну посвятилъ Варягамъ, а другую Руси. Въ составъ этой послѣдней части вошли исключительно прежде изданные отрывки [1]). Главы, на которыя раздѣлена вторая часть, въ большинствѣ случаевъ носятъ названія тѣхъ писателей, извѣстія которыхъ разбираетъ тамъ нашъ авторъ. Въ распредѣленіи этихъ писателей нельзя уловить ни внѣшней связи — хронологической или по народностямъ [2]), ни внутренней — по содержанію самыхъ извѣстій. Отсутствіе связи по всей вѣроятности произошло потому, что авторъ, во время предварительныхъ работъ, перебирая источники, дѣлалъ для себя замѣтки по поводу каждаго изъ нихъ; когда же подобныхъ замѣтокъ накопилось довольно много, и онѣ представили собою рядъ вѣскихъ возраженій противъ норманской системы, онъ рѣшился издать ихъ подъ соотвѣтствующимъ заглавіемъ «Отрывки». Въ то время конечно никто не имѣлъ права жаловаться на эту слабую сторону изслѣдованія; тѣмъ не менѣе она была замѣчена. Погодинъ, вознамѣрившійся написать подробный разборъ «Отрывковъ», никакъ не могъ справиться съ приведеніемъ въ систему своихъ замѣчаній [3]); послѣ неоднократныхъ и

---

[1]) Вѣрнѣе I—XII стр. при чемъ V о черноморской Руси выброшенъ совсѣмъ а IX argumentum a silentio перенесенъ въ самый конецъ второй части. Остальные отрывки: о варягахъ, о мнимо скандинавскихъ словахъ въ древне-русскомъ языкѣ, объ именахъ, включены въ различныя главы первой части въ сильной передѣлкѣ.

[2]) Достаточно взглянуть на оглавленіе второй части, чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія.

[3]) М. П. Погодинъ. Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси. Приложеніе къ VI т. Зап. Ак. Наукъ. Спб. 1864. № 2, стр. 3.

безуспѣшныхъ попытокъ онъ рѣшился наконецъ изложить ихъ, слѣдуя шагъ за шагомъ за г. Гедеоновымъ, т. е. почти безъ всякаго порядка. Если недостатокъ связи между отдѣльными главами былъ вполнѣ понятенъ и извинителенъ, когда онѣ выходили подъ именемъ «отрывковъ», то нельзя сказать этого теперь, когда, по словамъ самого автора, его изслѣдованіе является въ цѣломъ своемъ составѣ. Г. Гедеоновъ самъ не разъ указываетъ на необходимость цѣльнаго систематическаго взгляда на варяжскій вопросъ, при чемъ каждому извѣстію, каждому факту, должно быть указано подобающее ему мѣсто, а такая цѣльность воззрѣнія должна отразиться и на систематичности изложенія; если же ея нѣтъ, у читателя невольно возникаетъ сомнѣніе, не требуетъ ли авторъ отъ другихъ того, чего самъ дать не въ состояніи.

Если, во второй части изслѣдованія, читателя поражаетъ отсутствіе органической связи между главами, то въ первой онъ наталкивается на иного рода затрудненія, мѣшающія ему слѣдить за развитіемъ мыслей автора. Въ своей книгѣ г. Гедеоновъ преслѣдуетъ двойную задачу: съ одной стороны онъ желаетъ доказать несостоятельность воззрѣній норманистовъ на скандинавское происхожденіе Варяговъ-Руси, съ другой — поставить на мѣсто норманской системы свою собственную, признающую за нашими князьями вендское происхожденіе. Сообразно съ этою двойною задачею въ каждой главѣ онъ частію полемизируетъ съ своими противниками, частію высказываетъ свои собственныя воззрѣнія. Вслѣдствіе непрерывнаго смѣшенія отрицательныхъ воззрѣній съ положительными читателю весьма трудно слѣдить за развитіемъ тѣхъ и другихъ, тѣмъ болѣе, что авторъ, увлекаясь полемикою, вдается въ частности, затемняющія основную его мысль, а главное —не всегда подводитъ итоги къ своимъ изысканіямъ.

Преобладаніе полемическаго характера въ изслѣдованіи г. Гедеонова само по себѣ даетъ понять, что тутъ нечего искать значительнаго количества новыхъ данныхъ для разъясненія варяго-русскаго вопроса,—да, впрочемъ, послѣ полуторавѣковыхъ поисковъ за матеріаломъ по разнымъ отраслямъ знанія трудно было бы и ожидать этого, — вся же сила автора должна заключаться въ его умѣньи обращаться съ раньше накопленнымъ матеріаломъ и оцѣнивать воззрѣнія, высказанныя его предшественниками. На эту сторону изслѣдованія мы и обратимъ преимущественно наше вниманіе.

Г. Гедеоновъ допускаетъ, вмѣстѣ съ другими изслѣдовате-

лями (за исключеніемъ развѣ одного г. Иловайскаго), что Варяги, давшіе намъ князей, воеводъ, дружинниковъ и въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій принимавшіе участіе во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ русскаго государства, по отношенію къ восточнымъ славянамъ были пришлецы, слившіеся съ ними въ одну народность. Строго-научное опредѣленіе происхожденія этихъ Варяговъ и степени ихъ вліянія на восточныхъ славянъ, по его мнѣнію, можетъ быть сдѣлано только на основаніи цѣльнаго, систематическаго воззрѣнія, обнимающаго весь ходъ развитія древней русской исторіи. Требованія г. Гедеонова относительно системы, претендующей на подобное значеніе, отличаются большою строгостію: онъ объявляетъ каждую «внѣ права науки, покуда хотя одно изъ возраженій будетъ оставлено безъ отвѣта» [1]). Система должна быть основана не только на письменныхъ свидѣтельствахъ древнихъ русскихъ и иноземныхъ памятниковъ, но и на фактическихъ доказательствахъ, т. е. на изученіи слѣдовъ вліянія Варяговъ на восточныхъ славянъ, при чемъ тѣ и другія доказательства должны быть въ строгомъ согласіи между собою: «свидѣтельства письменныя требуютъ подтвержденія отъ фактовъ и на оборотъ» [2]). Самыя фактическія доказательства, принимаемыя въ основаніе системы должны подвергнуться строгой оцѣнкѣ. Система отнюдь не должна смѣшивать примѣтъ знакомства между народностями вслѣдствіе ихъ географическаго сосѣдства съ примѣтами родства или преобладанія одной народности надъ другою, при сліяніи ихъ въ общую націю; иначе легко принять случайный этнографическій элементъ за основной и приписать ему такое вліяніе въ ходѣ древней русской исторіи, какого онъ совсѣмъ не имѣлъ, т. е. принять за Варяговъ-Русь любой изъ народовъ, сосѣдившихъ въ IX в. съ восточными славянами, какъ дѣйствительно и поступали нѣкоторые наши изслѣдователи, принимавшіе участіе въ Варангомахіи [3]).

Таковы главныя научныя требованія, съ которыми г. Гедеоновъ подходитъ къ разбору норманской системы и къ построенію своей собственной. Въ большинствѣ случаевь онъ старается выполнить ту и другую задачу одновременно: опровергнувъ какое либо положеніе норманской системы, основанное на письменныхъ или фактическихъ доказательствахъ, г. Гедеоновъ тотчасъ же ставитъ

---

[1]) Стр. 5.
[2]) Стр. 158.
[3]) Стр. 55.

на его мѣсто свое собственное, при чемъ частію даетъ иное толкованіе доказательствамъ своихъ противниковъ, частію приводитъ свои собственныя. Такой паралелизмъ много способствовалъ бы ясности изложенія, если бы онъ было строго проведенъ во всей книгѣ. Къ сожалѣнію этого нѣтъ; первой напр. главѣ, опровергающей доказательства норманистовъ относительно слѣдовъ вліянія скандинавовъ на языкѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ восточныхъ славянъ, соотвѣтствуетъ по содержанію девятая, гдѣ приводятся доказательства вліянія вендскаго начала на тѣ же самыя стороны быта нашихъ предковъ; кромѣ того, по мѣстамъ встрѣчаются болѣе или менѣе длинныя уклоненія, имѣющія мало общаго съ главнымъ содержаніемъ главы [1]); объ увлеченіяхъ полемикою и разборомъ частностей, нарушающихъ плавность изложенія, равно какъ и объ отсутствіи органической связи между нѣкоторыми главами второй части, было уже упомянуто выше. При такомъ положеніи дѣла, думаемъ, позволительно будетъ, во время изложенія и разбора содержанія книги г. Гедеонова, нѣсколько уклониться отъ того порядка, какой усвоенъ авторомъ въ его изслѣдованіи. Какъ отрицательныя, такъ и положительныя воззрѣнія г. Гедеонова мы соберемъ и изложимъ отдѣльно, по возможности въ той же связи, какую указываетъ самъ авторъ, слѣдовательно — съ соблюденіемъ паралелизма. Разумѣется, въ своемъ изложеніи мы постараемся, насколько можемъ, быть короче *и точнѣе*.

«При изслѣдованіяхъ о началахъ русскаго государства, говоритъ г. Гедеоновъ въ началѣ второй главы, представляются три вопроса: 1, кто призывалъ варяжскихъ князей? 2, вслѣдствіе какихъ побужденій? 3, кто были призванные варяги? [2]).

На первый вопросъ норманисты, основываясь на словахъ Нестора, отвѣчаютъ, что въ дѣлѣ призванія финскія племена были равными съ славянскими участниками, а иные даже полагаютъ, что Чудь, названная въ лѣтописи раньше славянъ, была господствующею народностію и вліянію финновъ приписываютъ усвоеніе славянами имени Руси, какъ назывались на финскомъ языкѣ призванные иноземцы.

«Понятно, замѣчаетъ г. Гедеоновъ, почему норманская школа такъ дорожитъ своею финскою ипотезою; представляя призваніе

[1]) Изслѣдованіе о томъ, что Несторъ разумѣлъ подъ выраженіями: словене, словенскій языкъ, плохо вяжется съ основнымъ вопросомъ второй главы: кто призвалъ варяговъ.

[2]) Стр. 57.

князей общимъ дѣломъ разнородныхъ финно-славянскихъ племенъ, она тѣмъ хотя нѣсколько умаляетъ невѣроятность избранія славянами князей изъ враждебной народности [1]). Но это мнѣніе несогласно ни съ ходомъ русской исторіи, ни съ извѣстіями лѣтописца. Призванные князья появляются среди славянъ въ Новгородѣ, въ Изборскѣ и Бѣлоозерѣ; финскія племена, даже участвовавшія въ призваніи, выставляются у Нестора данниками; имя Руси, въ убѣжденіяхъ лѣтописца, переходитъ только на славянскія, а отнюдь не на финскія народности [2]).

Не болѣе убѣдительны, по мнѣнію г. Гедеонова, и разъясненія, даваемыя норманистами относительно мотивовъ призванія. Шлецеръ, вопреки положительному сказанію лѣтописи, не допускаетъ призванія князей въ смыслѣ правителей, а видитъ въ нихъ оберегателей границъ; но непонятно, почему славяне и Чудь могли призвать въ оберегатели тѣхъ самыхъ, кого предъ тѣмъ изгнали, какъ притѣснителей. Сознавая основательность этого возраженія, Погодинъ полагалъ, что призваны были не изгнанные, а особое племя норманское, Варяги-Русь, съ которыми славяне раньше состояли въ мирныхъ сношеніяхъ; но не вѣроятно, чтобы призваніе иноплеменныхъ князей могло много разниться отъ завоеванія. Соловьевъ считаетъ цѣлію призванія установленіе наряда, нарушеннаго родовыми усобицами, а въ князьяхъ видитъ третейскихъ судей; но родовыя усобицы были и у другихъ племенъ славянскихъ, однакоже они не ищутъ миротворца у иноплеменниковъ; да и можетъ ли быть миротворцемъ иноплеменникъ, не знающій ни языка, на которомъ долженъ выслушивать притязанія родовъ, ни права, по которому долженъ судить? [3]).

Неправильность пониманія побужденій къ призванію была естественнымъ слѣдствіемъ невѣрныхъ представленій норманистовъ о состояніи славяно-русскихъ племенъ предъ самымъ призваніемъ. На этотъ счетъ у нихъ существуетъ два мнѣнія, отличныя по выраженію, но ведущія къ одинаковымъ историческимъ заключеніямъ: Шлецера о дикости и г. Соловьева о младенчествѣ словено-русскихъ племенъ. «И то и другое воззрѣніе, замѣчаетъ г. Гедеоновъ, вынуждено (быть можетъ безсознательно) необходимостію согласовать историческую вѣроятность съ теоріею о скандинавскомъ происхожденіи Руси; добровольная подчиненность славянскихъ племенъ враж-

---

[1]) Стр. 59.
[2]) Стр. 60.
[3]) Стр. 87—93.

добному игу полудикихъ норманов логически немыслима. если не представить этихъ племенъ стоящими въ IX в. на несравненно низшей ступени гражданскаго образованія сравнительно съ скандинавами»[1]). Мнѣніе Шлецера основано не на изученіи фактовъ, а на ложныхъ понятіяхъ энциклопедистовъ объ историческихъ началахъ народовъ. «Изслѣдованія, основанныя на положительныхъ фактахъ, утвердили за славянскимъ языческимъ міромъ существованіе, въ извѣстной степени, права, торговли, городовъ, письма, сложной языческой ѳеогоніи, всѣхъ условій общественной жизни[2]). Противуполагать исторически дознаннымъ фактамъ мрачную картину дикости славянскихъ племенъ у Нестора или у Козьмы Пражскаго, значитъ не вѣдать духа и направленія христіанскихъ лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ: отличительная черта ихъ—умышленное униженіе всего былаго съ цѣлью похваленія книжной образованности ихъ времени[3]). Что касается до теоріи г. Соловьева, то она, по словамъ нашего автора, утверждается на двухъ положеніяхъ: 1, отдѣльный уединенный бытъ по родамъ этихъ племенъ; 2, управленіе родовъ ненаслѣдственными старшинами. Какъ и Шлецеръ, г. Соловьевъ основываетъ свои положенія на извѣстіяхъ Нестора, писавшаго въ концѣ XI или началѣ XII в., и передававшаго намъ не факты, а свои представленія объ устройствѣ словено-русскаго племени въ эпоху язычества. «Въ подобныхъ случаяхъ сказанія лѣтописца имѣютъ вѣсъ только при согласіи съ законами исторической аналогіи и правдоподобія, при подтвержденіи ихъ свидѣтельствами современныхъ иноземныхъ писателей[4]). Но исторія не знаетъ земледѣльческаго народа въ томъ состояніи и при тѣхъ условіяхъ первобытности, въ которыхъ является Русь IX в. у г. Соловьева. Прямыхъ свидѣтельствъ о внутреннемъ состояніи Руси въ IX и предшествовавшихъ вѣкахъ до насъ не дошло, но мы имѣемъ извѣстія западныхъ и византійскихъ писателей, и ни тѣ, ни другіе не выставляютъ прибалтійскихъ и балканскихъ славянъ американскими дикарями или евреями временъ Авраама. Да и въ самой начальной лѣтописи словенорусскій народъ является не въ видѣ отдѣльныхъ родовъ, живущихъ безъ связи и общенія, а распадающимся на племена, имѣющимъ свои города, свое право, свое язычество, свою тор-

---

[1]) Стр. 101.
[2]) Стр. 103.
[3]) Стр. 104.
[4]) Стр. 106.

говлю, свои общіе и племенные интересы. Наша исторія при самомъ началѣ знаетъ князей, бояръ, пени, налоги, пошлины и пр. «Варягами ли занесены къ намъ всѣ общественныя учрежденія и званія, о которыхъ упоминается въ первые два вѣка нашей исторіи? иныя конечно, но далеко не всѣ, не большая часть ихъ» [1]).

Допуская противорѣчащее историческимъ фактамъ дикое или младенческое состояніе словенорусскихъ племенъ, норманисты, продолжаетъ г. Гедеоновъ, не знаютъ что дѣлать съ князьями, упоминаемыми въ договорахъ. Они видятъ въ нихъ родичей Рюрика, посаженныхъ въ качествѣ Smâkanungar въ Черниговѣ, Полоцкѣ, Переяславлѣ, Ростовѣ, Любечѣ. Но подобное состояніе новорожденнаго общества условливаетъ цѣлый рядъ явленій, о которыхъ нѣтъ даже и намека въ нашей исторіи: почему напр. этихъ малыхъ князей нѣтъ на сѣверѣ при Рюрикѣ, а только на завоеванномъ югѣ при Олегѣ и Игорѣ? Норманское вліяніе должно быть тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ ближе къ началу государства; на какомъ правѣ стояли при Олегѣ и Игорѣ эти родичи? Если на ленномъ, почему нѣтъ слѣдовъ его, и куда дѣвались самые князья? «При норманской системѣ равно невозможны малые князья норманскаго и славянскаго происхожденія; въ послѣднемъ случаѣ отношенія туземныхъ династовъ къ норманамъ-завоевателямъ и князьямъ ихъ представляются неразрѣшимою историческою загадкою» [2]).

Не выяснивъ хорошо вопросовъ о томъ кто и за чѣмъ призывалъ варяговъ, норманисты, по мнѣнію г. Гедеонова, не вполнѣ вѣрно поняли, и кто такіе были сами призванные варяги. «Слово варягъ дѣйствительно обличаетъ не собственно русское лингвистическое начало, но такъ какъ въ исландскихъ сагахъ оно впервые подъ формою Vaeringiar является около 1020 г., у арабовъ же и византійцевъ подъ формою варангъ въ 1029 и 1034, а на Руси извѣстно уже въ IX в., то мы вправѣ заключить, что это слово зашло къ намъ не арабскимъ, скандинавскимъ или греческимъ путемъ, а стало быть и варяги, отъ которыхъ вышелъ Рюрикъ, были, по всей вѣроятности, не изъ Швеціи» [3]). Норманисты не хотятъ допустить этого заключенія: сперва они отыскивали своихъ Vaeringiar въ федератахъ и фарганахъ, но потомъ въ лицѣ Куника сами отказались отъ нихъ. Вмѣсто историческихъ соображеній они прибѣгаютъ теперь къ лингвистическимъ. Куникъ предполагаетъ въ древне-

---

[1]) Стр. 109.

[2]) Стр. 155—7.

[3]) Стр. 159.

шведскомъ языкѣ существованіе слова Wâring (отъ wâra—присяга), отъ котораго только и могло произойти наше варягъ и греческое βάραγγος; но эта предполагаемая форма не можетъ устоять противъ дошедшаго до насъ въ названіи о-ва Väringö (ö островъ) подлиннаго древнешведскаго Väring, а норвего-исландскіе источники знаютъ только форму Vaeringi, отъ которой не могли произойти ни русское варягъ, ни греческое βάραγγος. Къ тому же въ памятникахъ скандинавской письменности о вэрингахъ упоминается не ранѣе первой четверти XI в. и это имя въ нихъ носятъ только служившіе въ варангскомъ корпусѣ въ Греціи [1]). Правда, въ послѣднее время г. Васильевскій выступилъ съ теоріею о русскомъ началѣ варангскаго корпуса въ Византіи, но приводимыя у него доказательства г. Гедеоновъ находитъ неубѣдительными, хотя самъ же (замѣтимъ мимоходомъ) допускаетъ заимствованіе греками отъ Руси слова варягъ для означенія корпуса варанговъ, и даже готовъ на этотъ случай допустить сохраненіе отчасти въ русскомъ нарѣчіи ринизма общеславянскаго

Впрочемъ лингвистическіе доводы норманистовъ основаны не столько на этимологіи слово варягъ, сколько на объясненіи изъ скандинавскаго языка именъ первыхъ нашихъ князей и ихъ приближенныхъ. Поэтому и г. Гедеоновъ значительную долю первой части посвящаетъ вопросу объ именахъ. Подробному разбору толкованій каждаго имени въ отдѣльности онъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ соображеній относительно ономатологіи и значенія ея выводовъ для рѣшенія варяжскаго вопроса. «Между тѣмъ какъ необыкновенно богатая скандинаво-германская ономатологія даетъ обильныя средства для объясненія (хотя бы приблизительнаго) всевозможныхъ именъ»[2]); славянская напротивъ отличается большою скудостію, происшедшею частію потому, что отдѣльныя личности вообще рѣдко являются двигателями народной жизни у славянскихъ племенъ, а главное потому, что за немногими исключеніями исторіи славянскихъ племенъ писаны иноземцами, на иноземныхъ языкахъ, слѣд. сообщившими намъ мало именъ, да и тѣ въ невѣрной транскрипціи.

Не смотря на эту скудость славянской ономатологіи, норманисты настаиваютъ, чтобы славянскими именами признаваемы были лишь тѣ изъ упоминаемыхъ въ начальной русской исторіи, которыя повторяются у другихъ славянскихъ племенъ, смыслъ которыхъ понятенъ, которыя имѣютъ несомнѣнно славянскія окончанія и пр.

---

[1]) Стр. 160—163.

[2]) Стр. 183

Такія требованія норманистовъ г. Гедеоновъ находитъ чрезмѣрными: въ славянской ономатологіи, какъ и во всякой другой, кромѣ составныхъ, понятныхъ по значенію именъ, есть еще простыя, которыхъ смыслъ утраченъ, форма нѣсколько удалилась отъ принятаго славянскаго первообраза, употребленіе — временное, единичное: да и вообще норманисты, сами не безгрѣшные въ дѣлѣ этимологіи, не имѣютъ права предписывать законы для славянской ономатологіи, которая должна руководиться правилами, извлеченными изъ разсмотрѣнія своего собственнаго, а не чужаго матерьяла. Самыя ономатическія изслѣдованія должны быть основаны не на произволѣ, не на однихъ чисто случайныхъ созвучіяхъ, а на правилахъ благоразумной филологіи въ связи съ историческимъ значеніемъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ подлежатъ розысканіямъ; лингвистическій вопросъ не можетъ быть отдѣленъ отъ историческаго, филологъ отъ историка [1]).

Примѣняя эти основныя правила къ разбору именъ нашей начальной исторіи, г. Гедеоновъ высказывается почти всегда за ихъ славянское происхожденіе. Онъ указываетъ только два мужскихъ и два женскихъ имени въ династіи нашихъ князей, норманское происхожденіе которыхъ (именъ) не можетъ подлежать сомнѣнію; но появленіе ихъ онъ объясняетъ браками русскихъ князей съ скандинавскими принцессами: матери обыкновенно давали имена дѣтямъ, отсюда объясняется и употребленіе славянскихъ именъ въ скандинавскихъ династіяхъ, роднившихся съ славянскими [2]).

Самое большое число именъ, объясняемыхъ норманистами изъ скандинавскаго языка, извлекается ими изъ договоровъ Олега и Игоря съ греками. Документамъ этимъ норманисты вообще придаютъ значеніе едвали не самыхъ главныхъ основаній своей системы. Соединяя начальныя слова договоровъ «мы отъ рода рускаго» съ слѣдующими за тѣмъ именами, среди которыхъ самъ г. Гедеоновъ находитъ не менѣе 12 германо-скандинавскаго происхожденія, норманисты дѣлаютъ заключенія о скандинавскомъ происхожденіи Руси. Такой способъ доказательства заставляетъ нашего автора остановиться подробнѣе на вопросѣ, почему скандинавскій элементъ проникъ въ договоры, и какое значеніе могутъ имѣть дипломатическія формы этихъ документовъ. Норманы, по мнѣнію г. Гедеонова, могли принимать участіе въ заключеніи договоровъ двоя-

[1]) Стр. 183—190.
[2]) Стр. 256—259.

кимъ образомъ: а) въ качествѣ дружинниковъ русскихъ князей; нахожденіе норманновъ на службѣ у сосѣднихъ славянскихъ князей и наоборотъ—исторически извѣстный фактъ; при выборѣ пословъ русскіе князья не стѣснялись національностію своихъ дружинниковъ, и назначали наиболѣе надежныхъ; при томъ же полномочными послами могли быть двое—трое, а остальные присоединялись къ посольству ради блеска и для полученія подарковъ; б) въ качествѣ торговыхъ гостей, ведшихъ общія дѣла съ Русью въ Византіи; и дѣйствительно въ договорахъ гости какъ бы противуполагаются Руси и даже ставятся нѣсколько ниже ея [1]). Если военное и торговое товарищество норманновъ съ Русью легко объясняетъ присутствіе скандинавскаго элемента въ договорахъ, то разсмотрѣніе формы и содержанія этихъ документовъ ведетъ къ окончательному устраненію дѣлаемаго изъ нихъ норманистами заключенія. Съ помощью предшествующихъ изслѣдованій Эверса, Погодина, Лавровскаго и др., подкрѣпляемыхъ отчасти его собственными остроумными соображеніями, г. Гедеоновъ указываетъ, что договоры были первоначально написаны по гречески, каждый въ двухъ экземплярахъ, отъ грековъ къ Руси и отъ Руси къ грекамъ; что они были составлены греческою канцеляріею съ сохраненіемъ употреблявшихся въ ней формъ; что съ этихъ греческихъ оригиналовъ былъ потомъ сдѣланъ болгарскій переводъ, слѣды котораго замѣтны еще въ той редакціи, въ какой дошли до насъ договоры; что при ратификаціи договоровъ греки требовали отъ Руси, какъ и отъ другихъ варваровъ, произнесенія клятвъ, считавшихся у договаривающихся ненарушимыми, участія въ присягѣ возможно большаго числа знатныхъ лицъ, имена которыхъ тутъ же и записывались. Разумѣется, въ языкѣ, на который переведены греческіе оригиналы договоровъ, въ клятвахъ и обрядахъ, которые сопровождали ихъ утвержденіе, слѣдуетъ главнымъ образомъ искать указаній на ту народность, съ какою греки заключали договоръ: но этотъ языкъ оказывается славянскимъ, эти клятвы и обряды тоже, а слѣдовательно и самые документы были составлены не для норманскихъ конунговъ. При такомъ положеніи дѣла начальная фраза, «мы отъ рода русскаго» конечно не болѣе, какъ переводъ обычной у грековъ формулы обозначенія варваровъ ἐκ γένους τῶν Ῥώς, и не можетъ имѣть того спеціальнаго указанія на благородство родовъ, какое видятъ въ ней норманисты, тѣмъ болѣе, что по ихъ собственному сознанію въ до-

---

[1]) Стр. 260—264.

говорахъ рядомъ съ скандинавскими именами есть и славянскія, не могшія принадлежать «благороднымъ россамъ». Правда, норманисты относятъ эти имена къ ославянившимся норманамъ, но тогда количество ихъ будетъ слишкомъ уже велико для начала X в., и оно возрастетъ еще больше, если норманисты, прежде чѣмъ объяснять изъ скандинавской ономатологіи странныя имена договоровъ, обратятъ вниманіе на искаженіе этихъ именъ вслѣдствіе испытанной ими тройной транскрипціи: греческой, болгарской и русской, и попробуютъ съ помощію палеографическихъ и лингвистическихъ соображеній объяснить ихъ изъ славянскаго языка [1]). И дѣйствительно самъ г. Гедеоновъ изъ 60 именъ въ договорахъ признаетъ норманскими не болѣе 12—15.

Не выяснивъ хорошо вопроса, кто и за чѣмъ призывалъ варяговъ, не доказавъ на основаніи лингвистическихъ соображеній, что эти варяги были скандинавами, норманисты, по словамъ г. Гедеонова, не въ состояніи указать и слѣдовъ вліянія этихъ варяговъ-нормановъ на бытъ восточныхъ славянъ въ начальныя времена русской исторіи. Норманисты — нѣмцы, трудившіеся въ прошломъ столѣтіи надъ исторіею Руси, какъ надъ исторіею вымершаго народа, даже ограничивались однимъ изученіемъ письменныхъ свидѣтельствъ о Варягахъ, нимало не заботясь, отозвалась ли норманство въ русской исторіи. Правда, Шлецеръ натыкался на этотъ вопросъ, но отдѣлывался отъ него молчаніемъ, ни на чемъ не основанными предположеніями о вставкахъ у Нестора, или даже просто ссылкою на неизвѣстныя причины. Но «современная наука не допускаетъ ни молчанія, ни изобрѣтеній, ни неизвѣстныхъ причинъ. Она говоритъ: если Варяги—Русь скандинавы, то норманство должно отозваться въ самой жизни Руси, въ ея религіи, языкѣ, правѣ, въ народныхъ обычаяхъ, въ дѣйствіяхъ и образѣ жизни первыхъ князей и пришлыхъ съ ними варяговъ» [2]).

Изысканія Круга, повидимому долженствующія (если судить по заглавіямъ) дать отвѣтъ на эти требованія науки, на самомъ дѣлѣ ограничиваются изученіемъ норманскаго языка, права, обычаевъ безъ малѣйшей связи съ языкомъ, правомъ, обычаями Варяговъ—Руси, или указываютъ на факты, которымъ слѣдовало бы проявиться въ русской исторіи, если бы варяги были норманы. Только въ статьѣ объ языкѣ Кругъ пытается указать на слова, преимущественно юридическія, занесенныя къ намъ норманами. Но г. Гедео-

[1]) Стр. 264—286.

[2]) Стр. 5.

новъ прежде всего считаетъ нужнымъ изъ отмѣченныхъ Кругомъ словъ исключить, какъ непригодныя, тѣ общеславянскія, которымъ нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ доисторическое германское происхожденіе. «Къ словамъ, долженствующимъ обнаружить вліяніе норманскаго языка на русскій вслѣдствіе призванія варяжскихъ князей, норманская школа въ правѣ отнести только такія, которыя, являя всѣ признаки норманства, съ одной стороны не встрѣчаются у прочихъ славянскихъ народовъ, а съ другой не могутъ быть объяснены легко, непринужденно изъ славянской этимологіи» [1]). На основаніи этого правила нашъ авторъ отказывается отъ разбора тѣхъ словъ, выдаваемыхъ норманистами за скандинавскія, которыя разъяснены уже г. Срезневскимъ изъ славянскаго языка, и останавливается лишь на разъясненіи однихъ сомнительныхъ, и дѣлаетъ выводъ, «что русскій языкъ не принялъ отъ скандинавскаго ни одного слова» [2]). — «Что о языкѣ, то самое можно сказать и о мнимо-норманскомъ вліяніи на государственное устройство Руси. Въ чемъ, въ какихъ особенностяхъ государственнаго быта Руси проявляется норманство, какія норманскія учрежденія перешли къ намъ, почему русская исторія не знаетъ ни дѣленія земли, ни ленной системы, ни гильдій, ни городскихъ общинъ и пр., объ этомъ (у Круга) не говорится вовсе» [3]). Изъ особенностей русскаго язычества Кругъ приводитъ только общее славянскимъ племенамъ не съ одними норманами, но и со многими другими языческими народами, обыкновеніе клясться оружіемъ; но приводя слова лѣтописи: «по русскому закону кляшася оружіемъ своимъ», забываетъ или выпускаетъ слѣдующія за ними: «и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ, скотьимъ богомъ».

Куникъ присоединяетъ еще указаніе на извѣстія византійцевъ о вѣрѣ руссовъ въ Валгаллу, гдѣ имъ будутъ служить убитые враги, и на участіе въ битвахъ дѣвъ щита (Skialdmeyjar); но онъ самъ, вмѣстѣ съ Гриммомъ, сознается, что первое повѣріе чуждо языческимъ представленіямъ норманновъ, и потому г. Гедеоновъ готовъ видѣть здѣсь или чисто славянское воззрѣніе, или же заимствованное славянами отъ венгровъ. Что же касается до участія женщинъ въ битвахъ, то эта черта характера была свойственна не однимъ норманкамъ, но и славянкамъ [4]). Болѣе подробно излагаетъ г. Погодинъ

[1]) Стр. 8.

[2]) Стр. 26.

[3]) Ibid.

[4]) Стр. 27—32.

тѣ особенности русскаго историческаго быта, которымъ онъ приписываетъ норманское вліяніе; но, по мнѣнію нашего автора, Погодинъ не различаетъ случайныхъ этнографическихъ явленій въ русской исторіи отъ основныхъ. «Къ явленіямъ случайнымъ, говоритъ г. Гедеоновъ, я отношу норманскіе браки нашихъ князей, торговыя сношенія съ Скандинавіей, военную помощь Норманов. Эти особенности—естественныя послѣдствія нашего сосѣдства съ скандинавами; онѣ въ нашей исторіи общи норманамъ съ печенѣгами, половцами, греками, нѣмцами, ляхами» и пр. [1]). «Къ явленіямъ же основнымъ можно отнести только обнаруживающія непремѣнные слѣды преобладанія одной народности надъ другою» [2]). Съ устраненіемъ доказательствъ вліянія норманскаго языка на русскій исчезаетъ и большая часть доказательствъ Погодина въ пользу норманскаго вліянія въ области права, основанныхъ на мнимо-скандинавскомъ происхожденіи словъ бояринъ, вервь, смердъ и пр. Денежныя пени, судъ 12 присяжныхъ, испытаніе желѣзомъ, судебные поединки существуютъ у всѣхъ славянскихъ племенъ наравнѣ съ скандинавскими; напротивъ, русское право, какъ и всякое другое славянское, отличается отсутствіемъ жестокихъ казней и тѣлесныхъ наказаній, которыми такъ изобилуютъ германскіе уголовные законы. Норманисты не могутъ также указать слѣдовъ вліянія скандинавовъ на религіи, лѣтосчисленіи, одеждѣ, торговомъ и военномъ дѣлѣ Руси и пр.

Норманисты сами признаютъ эти факты и сперва думали объяснить ихъ мирнымъ характеромъ призванія князей; но если даже и допустить это предположеніе относительно сѣвера Руси, все же оно не примѣнимо къ югу, несомнѣнно покоренному, не говоря уже о несоотвѣтствіи этого предположенія съ положительными извѣстіями о жестокости нормановъ и о страстной любви славянскихъ племенъ къ независимости. Въ послѣднее время стали искать согласованіе этихъ историческихъ невозможностей въ немедленномъ сліяніи обоихъ началъ, вѣрнѣе—въ поглощеніи норманскаго элемента славянскимъ, и самое сліяніе объясняли то отсутствіемъ выработанной вѣками національной вражды между норманами и славянами, то малочисленностію пришедшихъ къ намъ нормановъ или недостаткомъ у нихъ женщинъ; но антагонизмъ между славянскими и германскими племенами засвидѣтельствованъ западными писателями, а

[1]) Стр. 32.
[2]) Стр. 39.

количество прибывшихъ къ намъ норманскихъ викинговъ и женщинъ писатели норманской школы склонны увеличивать и уменьшать смотря по надобности. Даже если и признать возможность быстраго сліянія нормановъ съ славянами (еще при Олегѣ, какъ утверждаетъ Ламбинъ), все же норманистамъ будетъ не легче: они принуждены тогда будутъ отказаться отъ нормановъ Ліутпранда, отъ русскихъ названій пороговъ Константина Порф., отъ русина Русской правды и пр. [1]) Итакъ, заключаетъ г. Гедеоновъ, «Норманы не основной, а случайный элементъ въ нашей исторіи,» хотя несомнѣнно принимавшій самое дѣятельное участіе въ политическомъ и внутреннемъ развитіи Руси сравнительно съ другими ея географическими сосѣдями. «Отсюда и проявленіе въ древнѣйшей исторіи такихъ случайностей, которыя, при особомъ на нихъ научномъ воззрѣніи, могли дать поводъ къ обращенію примѣтъ знакомства въ примѣты родства и положили начало и основаніе теоріи скандинавскаго происхожденія Руси. Съ подобнымъ, хотя и меньшимъ правомъ, другіе изслѣдователи выводили аналогическія заключенія изъ отношеній Руси къ другимъ сосѣднимъ съ нею народностямъ. Но уже одна возможность подобнаго разногласія изслѣдователей, какъ явно основанная на отсутствіи внутреннихъ фактическихъ свидѣтельствъ о вліяніи на Русь какого либо внѣшняго этническаго начала, доказываетъ, что ни одна иноплеменная народность не вошла въ составъ славянорусскаго общества» [2]).

Отрицая участіе какой либо иноплеменной народности, какъ основнаго элемента, въ образованіи русскаго государства, г. Гедеоновъ однако не считаетъ возможнымъ, подобно г. Иловайскому, отвергнуть самый фактъ призванія; напротивъ онъ приписываетъ ему весьма важное значеніе: «призваніемъ варяжскихъ князей, говоритъ онъ, начинается политическая жизнь Руси; подъ вліяніемъ новаго династическаго начала Русь выступаетъ на поприще европейской исторіи» [3]). Сообразно съ такимъ взглядомъ онъ берется самъ за разрѣшеніе тѣхъ же вопросовъ, которые не удалось, по его мнѣнію, разъяснить норманистамъ.

«Призваніе князей исключительно славянскій фактъ» [4]); личность призывавшихъ лучше всего разъясняется изъ дѣйствій призванныхъ. Старшій изъ князей садится въ Новгородѣ; это наводитъ

[1]) Стр. 39—54.

[2]) Стр. 56.

[3]) Стр. 1.

[4]) Стр. 64.

на мысль, что словенамъ принадлежалъ преобладающій голосъ въ дѣлѣ призванія; младшіе водворяются—одинъ въ землѣ полочанъ—славянскаго племени, другой — въ Бѣлоозерѣ, городѣ, лежавшемъ въ области Веси, но носившемъ славянское имя, слѣдовательно могшемъ быть славянскою колоніею на финской землѣ. Существованіе такихъ колоній было естественнымъ послѣдствіемъ давнихъ торговыхъ сношеній словенъ съ поволжьемъ и доказывается не только мѣстными названіями славянскаго происхожденія, но и историческими свидѣтельствами о славянскомъ язычествѣ въ Муромѣ Ростовѣ. Колоніи *по всей вѣроятности* стояли къ Новгороду въ отношеніяхъ пригородовъ; вмѣстѣ съ словенами онѣ рѣшили (по обычаю) призвать варяжскихъ князей, а финскія племена, какъ, данники, только подчинились ихъ рѣшенію [1]).

Признавая фактъ призванія дѣломъ однихъ славянъ, г. Гедеоновъ ищетъ и объясненій ему въ условіяхъ славянскаго быта. Но такъ какъ извѣстія Нестора на этотъ счетъ очень скудны, то авторъ, для лучшаго пониманія состоянія словенорусскаго общества въ эпоху призванія, считаетъ нужнымъ обратиться къ изученію общихъ всѣмъ славянскимъ племенамъ условій ихъ внутренняго организма, изъ которыхъ могло выйти дѣло призванія [2]).

«Въ эпоху призванія, пишетъ г. Гедеоновъ, славянская раса является уже раздѣленною на нѣсколько народностей, отличныхъ одна отъ другой особыми нарѣчіями и особыми народными именами. Въ восточной части Европы отъ Ильменя до низовьемъ Днѣпра сидитъ однокровная прочимъ народность, говорящая словенскимъ нарѣчіемъ. Это нарѣчіе—русское, эта народность—Русь; въ составъ ея входятъ 6 племенъ: поляне, древляне, дреговичи, словене, полочане и сѣверяне» [3]). Эти данныя высказаны у Нестора при описаніи разселенія славянскихъ племенъ. Упоминаются у него и другія племена славянскія, «отторгнувшіяся отъ своихъ центровъ и вошедшія въ составъ государства варяжскихъ князей, каковы радимичи, вятичи, хорваты, уличи; но эти племена не стоятъ рядомъ съ шестью русскими племенами, и они случайный, а не основной элементъ русской народности» [4]). Несторъ не называетъ эти племена — словенами, ихъ языкъ словенскимъ. Имя словенъ у него употребляется только для обозначенія племени, обитавшаго въ нов-

---

1) Стр. 61 — 65.

2) Стр. 93.

3) Стр. 67.

4) Стр. 68.

городской области, «остальныя русскія племена словенами тоже не именуются, но отличаются отъ прочихъ славянскихъ народностей происхожденіемъ отъ словенъ и словенскимъ нарѣчіемъ» [1]). Кромѣ словенскаго племени на Руси. были внѣ Руси другія словенскія племена: словене въ Мизіи, словонцы въ Илпріи и Панноніи и Словаки въ верхней Венгріи. *По всей вѣроятности* всѣ эти словене составляли нѣкогда одно общее отдѣльное цѣлое по языку и происхожденію, какъ можно думать по близкому сходству ихъ нарѣчій. Существованіе племенъ словенскихъ внѣ Руси было извѣстно и Нестору; въ Илюрикѣ у него словене: Морава — словаки — тоже, грамота болгарская — словенская; но его представленія о не русскихъ словенахъ и ихъ географическомъ положеніи были смутны; для него Илюрикъ — всѣ дунайскія земли, а подъ именемъ дунайскихъ словенъ онъ разумѣлъ всю юго-западную словенщину [2]). Самыя понятія Нестора о словенствѣ русскихъ племенъ были основаны частію на смутномъ преданіи о родствѣ между всѣми словенскими племенами и о выселеніи ильменскихъ Словенъ съ Дуная, частію на тожествѣ нарѣчій словенорусскаго съ остальными словенскими и наконецъ на желаніи удержать за своимъ народомъ освященное переводомъ книгъ писанія словенское имя [3]). Къ несчастію для лѣтописца и для насъ, его въ сущности вѣрныя понятія объ этнографической связи словенскихъ племенъ были затемнены желаніемъ согласовать словоупотребленіе словенскаго имени въ церковномъ смыслѣ съ невѣрнымъ убѣжденіемъ въ переводѣ св. Писанія для Моравы. «Отсюда недоумѣнія лѣтописца, отсюда двоякое значеніе у него Моравы, невѣрный объемъ его Моравы. Какъ особое племя моравскихъ славянъ несторова Морава принадлежитъ къ западнымъ не словенскимъ, отъ словенъ выродившимся племенамъ; какъ земля (вмѣстилище словаковъ и словинцевъ и вмѣстѣ класическая почва словенской грамоты) Морава имѣетъ для него значеніе дунайской словенщины» [4]). Знакомо было Нестору и употребленіе у иноземцевъ, особенно у грековъ, имени славянъ для обозначенія всей расы, но самъ онъ употребляетъ его въ этомъ смыслѣ только однажды: «бѣ единъ языкъ словѣнескъ: словени иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Морава, Чеси, и Ляхове и Поляне, яже нынѣ завомая Русь», но принимать исключе-

[1]) Стр. 70

[2]) Стр. 75.

[3]) Стр. 76.

[4]) Стр. 79.

ніе за правило невозможно и напрасно думаетъ Шафарикъ, что Несторъ именуетъ словенами всѣ славянскія племена въ Европѣ [1])

Сообразно съ данными и понятіями Нестора объ этнографіи славянскихъ народовъ и о значеніи славянскаго имени, въ его лѣтописи высказаны два основныхъ положенія словенской исторіи: «1) словенское племя—зародышъ и начало всѣхъ славянскихъ племенъ; во главѣ его стоитъ словенская русь, словене ильменскіе. Онъ пишетъ: отъ сихъ 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ отъ племени Афетова Норьци (т. е. Новгородцы — толкуетъ авторъ), еже суть словѣне. 2) Первородное словенское племя, говорящее первороднымъ словенскимъ (церковнымъ) нарѣчіемъ имѣетъ въ Европѣ два центра: словенскую Русь и дунайскихъ Словенъ. Всѣ прочія славянскія племена выродки отъ словенъ» [2]).

Выяснивъ свой взглядъ на этническія понятія и заблужденія Нестора относительно славянскаго племени и славянорусской народности, г. Гедеоновъ переходитъ къ разсмотрѣнію особенностей историческаго быта славянскихъ племенъ. По его словамъ «два основныхъ факта проявляются во всѣхъ славянскихъ исторіяхъ: это съ одной стороны особое преобладаніе родоваго и религіознаго старшинства въ отдѣльныхъ племенахъ, съ другой утвержденное на понятіяхъ о родовой собственности значеніе княжескаго достоинства». Совокупность родовъ образуетъ племя; совокупность племенъ землю; понятіе о землѣ не разлучно у славянъ съ понятіемъ о народности. При общей основѣ ихъ организма, отношенія какъ родовъ, такъ и племенъ опредѣляются законами старшинства. Каждый родъ въ племени, каждое племя въ землѣ составляютъ особый міръ: старшинство въ отношеніяхъ родовъ и племенъ получаетъ значеніе благородства и власти, прямой источникъ раздоровъ племенъ» [3]) «По мѣрѣ размноженія родовъ и племенъ, на основаніи особыхъ родовыхъ отношеній, образуются союзы, постоянно измѣняющіе свой составъ и значеніе вслѣдствіе вольнаго или вынужденнаго перехода отъ одного союза къ другому» [4]). Отсюда постоянныя измѣненія въ этнографіи славянскихъ племенъ, отмѣченныя въ латинскихъ и русскихъ лѣтописяхъ. Эти измѣненія указываютъ на постоянное состояніе броженія въ самобытно развивающихся славянскихъ народностяхъ. «Дѣленію на племена и союзы отвѣчаетъ дѣленіе на религі-

---

[1]) Стр. 81.
[2]) Стр. 82 — 84.
[3]) Стр. 94.
[4]) Стр 95.

озныя обедіенціи, старшинству племенъ старшинство ѳеократическое. Вражды племенныя вызываютъ религіозныя и на оборотъ; нерѣдко самое понятіе о княжеской власти опредѣляется ѳеократическимъ значеніемъ или старшинствомъ племени или города»[1]).

«Князьями начинается исторія всѣхъ славянскихъ народовъ». Хотя эти князья являются иногда у славянъ и подъ другими именами (жупаны, короли), основныя начала и права княжеской власти вездѣ одинаковы; у всѣхъ же повторяются извѣстныя намъ явленія русской исторіи при варяжской династіи. Владѣніе сообща родовымъ наслѣдіемъ подъ верховнымъ управленіемъ старшаго въ родѣ, въ семьѣ, коренное общеславянское право»[2]). «На примѣненіи къ управленію землею этихъ органическихъ законовъ славянской семьи утверждается значеніе княжеской власти въ славянскомъ мірѣ. Всѣ князья члены одного рода; обладаніе землею составляетъ не раздѣльную родовую собственность; великій князь означаетъ старшаго въ родѣ. Самая ѳеогоническая система языческой славянщины основана на законахъ родоваго начала въ ихъ примѣненіи къ верховной власти боговъ, небесныхъ князей. — Утвержденное на однихъ и тѣхъ же патріархальныхъ началахъ старшинство родовъ, племенъ, религіозныхъ обедіенцій, городовъ не противорѣчитъ идеѣ о княжескомъ полновластіи, а только довершаетъ органическое зданіе славянскаго общества. Славянскій князь полный хозяинъ въ землѣ; но надъ княжескою властію есть древній обычай, законъ, правда. Выдающіяся отсюда славянскія особенности, мірскія сходки, вѣча, совѣты въ исключительно демократическомъ видѣ могутъ представиться только не славянскому или предубѣжденному историку»[3]).

Всѣ эти положенія, основанныя главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ западныхъ лѣтописцевъ о полабскихъ и балтійскихъ славянахъ, г. Гедеоновъ считаетъ вполнѣ примѣнимыми къ русско-славянской народности. «Какъ на западѣ славянскія земли дѣлятся на союзы оботритовъ и лутичей, моравы и словаковъ, такъ шестиплеменная земля на востокѣ распадается на словенъ и на Русь[4])». Антагонизмъ Новгорода и Кіева, сѣвера и юга не разъ проглядываетъ въ нашей лѣтописи, хотя племенное старшинство признавалось за первымъ; извѣстна борьба полянъ съ древлянами, и по смерти Игоря послѣдніе добиваются власти и старшинства

---

[1]) Стр. 96.

[2]) Стр. 99.

[3] Стр. 100 — 1.

[4]) Стр. 109.

посредствомъ брака Мала съ Ольгою. «Труднѣе указать на слѣды нераздѣльныхъ отъ племенныхъ междоусобій религіозныхъ распрей у русскихъ славянъ. Въ существованіи самого явленія не дозволяютъ сомнѣваться какъ законы исторической аналогіи, такъ засвидѣтельствованное лѣтописью отличіе между славянскими племенами» [1]). Три брачныхъ обычая: древлянскій (умыканіе), сѣверскій (побѣги) и полянскій (съ согласія родителей)—отличіе по сектамъ, по религіознымъ обедіенціямъ, какъ у балтійскихъ славянъ; тоже самое видимъ и въ отношеніи къ сожженію и погребенію мертвыхъ. Даже «при отсутствіи прямыхъ историческихъ указаній очевидно [2]), что разнообразіе религіозныхъ обрядовъ и сектъ вызывало религіозныя усобицы въ доваряжской Руси [3])». Существованіе князей у русскихъ славянъ засвидѣтельствовано не только преданіемъ о князѣ Кіѣ, указаніемъ въ договорѣ на «князей подъ Ольгомъ сущихъ», но и сохраненіемъ имени одного несомнѣнно историческаго князя Мала [4]). *Вѣроятно* при началѣ всѣ княжескіе роды русскихъ славянъ принадлежали къ одной династіи, но въ эпоху призванія княжескіе роды были уже въ разстройствѣ, и замѣтно только распаденіе ихъ на два центра соотвѣтствующихъ дѣленію самой народности на словенъ и южную Русь [5]). «Какъ на западѣ, такъ и у насъ основанное на патріархальномъ началѣ господство княжескихъ родовъ должно было повести непремѣнно къ княжескимъ усобицамъ [6])». Если Несторъ не сообщаетъ намъ подробностей о бытѣ и объ отношеніяхъ прежнихъ князей, это должно отнести не къ одному невѣдѣнію лѣтописца. «Сухость извѣстій, а иногда и умышленное молчаніе его о княжескихъ родахъ до варяговъ понятны. Какъ у подозрительныхъ грековъ такъ и у насъ не терпѣли князей изъ чужаго рода. Изъ благочестія Несторъ молчитъ о язычествѣ; изъ осторожности о прежнихъ князьяхъ, о судьбѣ Мала [7])», тѣмъ не менѣе его слова: «и почаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и встародъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся» представляютъ живую всеславянскому историку знакомую кар-

[1]) Стр. 110.
[2]) Стр. 111.
[3]) Стр. 112.
[4]) Стр. 113.
[5]) Стр. 120.
[6]) Стр. 125.
[7]) Стр. 126.

тину того состоянія броженія и смутъ, откуда вышло призваніе новой династіи. По мѣрѣ размноженія прежнихъ княжескихъ родовъ, при недостаткѣ образованія и письменности, терялась нить старшинства и вмѣстѣ идея законности; пользуясь враждою племенъ, разжигаемою притязаніями одного города передъ другимъ на родовое и религіозное старшинство, князья находили въ нихъ неисчерпаемый предлогъ къ усобицамъ; сами же, при неясности своихъ правъ и выдающейся отсюда шаткости княжеской власти, постепенно теряли въ глазахъ народа свое значеніе, какъ владѣльцевъ земли. Нѣтъ сомнѣнія, что вражды племенъ и междоусобія князей имѣли мѣсто и при варяжской (?) дани, такъ какъ ни варяги, ни хозары, подобно монголамъ, *вѣроятно*, не вмѣшивались въ управленіе, и самое изгнаніе варяговъ, *вѣроятно*, было въ родѣ избіенія баскаковъ въ Твери. Между тѣмъ первое упоеніе торжества надъ иноплеменниками обнаружилось новымъ разгаромъ страстей, новыми притязаніями на старшинство родовъ, племенъ, князей; изъ этого хаотическаго состоянія новгородская держава могла выйти только передачею княжескихъ правъ въ новую династію [1])». Это мысль, этотъ фактъ—не безпримѣрное явленіе въ исторіи славянскихъ народовъ; наша лѣтопись полна извѣстій объ изгнаніи одного князя (особенно новгородцами) для замѣщенія другимъ. Но «притязанія прежнихъ княжескихъ родовъ прекращались только съ передачею правъ ихъ въ иной высшій по своему значенію въ славянщинѣ родъ славянскихъ князей; таковымъ не могъ быть никто изъ южныхъ князей». Новгородъ былъ старшимъ городомъ, его князья старшими князьями; не славянскій князь тоже не годился, онъ не могъ судить по славянскому праву. При такомъ положеніи дѣла оставалось только искать князей въ Поморьѣ, что словене и сдѣлали, какъ видно изъ преданія [2]).

«Что въ IX в. новгородцы уже издавна были въ сношеніяхъ съ вендами болѣе чѣмъ *вѣроятно* [3])». Клады куфическихъ монетъ, находимыя до Любека, извѣстія арабовъ о вендахъ, полученныя ими вѣроятно чрезъ русскихъ, болгаръ и хозаръ, указываютъ на давнія торговыя сношенія Руси съ поморьемъ. «Другимъ поводомъ къ сношеніямъ было *вѣроятно* религіозное первенство балтійскихъ вендовъ надъ прочими славянскими племенами». Религіозное первенство вендовъ сообщало ихъ князьямъ, славившимся издавна благород-

[1]) Стр. 131.
[2]) Стр. 132.
[3]) Стр. 133

ствомъ своего происхожденія, преимущество предъ русскими князьями. «На нихъ и долженъ былъ пасть выборъ новгородцевъ, если бы не оправдывали его близость сношеній и *вѣроятная* родственная связь между Новгородомъ и Поморьемъ. Но не на однѣхъ вѣроятностяхъ, мнѣніе о призваніи варяжскихъ князей отъ балтійскихъ славянъ основано на историческихъ преданіяхъ, на убѣжденіи лѣтописца, его современниковъ и потомства. Въ половинѣ IX в. (?) Старградъ и Вагиры имѣли первенство во всей славянской (?) землѣ. Tales autem in eis (Wagiris) говоритъ Гельмольдъ, *quandoque* reguli fuisse probantur, qui omni Obotritorum sive Kycinorum et eorum *qui longe remotiores sunt dominio fuerint potiti* [1]). Подъ этими болѣе отдаленными племенами авторъ склоненъ разумѣть русскихъ славянъ, а въ самомъ извѣстіи о зависимости ихъ отъ вагировъ намекъ на призваніе варяжскихъ князей. Точно такой же намекъ онъ видитъ въ извѣстіи Эдриси о выселеніи на материкъ нѣкоторыхъ жителей острововъ, куда ѣздятъ за янтаремъ и цвѣтными камнями. Преданія, записанныя иноземцами, подтверждаются русскими о варягахъ. Эти преданія основаны съ одной стороны на извѣстіяхъ лѣтописи, съ другой на общенародномъ (?) убѣжденіи о выходѣ Рюрика изъ Поморья или Пруссіи, выразившемся въ производствѣ оттуда же предковъ Морозовыхъ, Калычевыхъ, Воронцовыхъ, вышедшихъ будто бы еще съ Рюрикомъ, и въ памяти о Гостомыслѣ [2]). «Окончательно славянскій характеръ призванія князей опредѣляется характеромъ отношеній прежнихъ князей русскихъ и подвластныхъ имъ племенъ къ варяжской династіи [3])». «При избраніи князей славяне, испытанные княжескими усобицами, искали по преимуществу князей малосемейныхъ; сначала даже хотѣли одного князя: поищемъ собѣ князя. Роды, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись, означаютъ здѣсь не родичей трехъ братьевъ (ихъ не было, кромѣ Олега), а единоплеменниковъ вообще [4]);» иначе было бы непонятно, отчего «князья подъ Ольгомъ суще» упоминаются только на югѣ, а не на сѣверѣ Руси, и почему ихъ значеніе выставляется падающимъ, а не развивающимся; при томъ же Рюрикъ и Олегъ сажали мужей по городамъ, а не князей, князья же мужами никогда не называются у лѣтописца. Прежніе князья новгородской области вѣроятно были еще

---

[1]) Стр. ?

[2]) Стран. 136.

[3]) Стр. 137—144.

[4]) Стр. 145.

до призванія истреблены или изгнаны и въ послѣднемъ случаѣ удалились конечно на югъ. Олегъ, былъ хотя княжескаго рода, но не князь; для этого ему нужно было княженіе. «Между тѣмъ притязаніе на это право должно было встрѣтить въ Новгородѣ отпоръ, основанный на заключенныхъ съ Поморьемъ условіяхъ; ибо если новгородцы согласились на принятіе къ себѣ 3 братьевъ, князей, то *вѣроятно* неиначе, какъ выгородивъ изъ обратнаго дѣйствія славянскаго права наслѣдства [1])». Какъ бы то ни было, Олегъ рѣшился основать для себя независимую державу на югѣ. «Средства были у него въ рукахъ: съ одной стороны подвластные Игорю варяги и словено-финскія племена, съ другой — обаянія варяжскаго имени и на Русь южную. Поэтому онъ и выставляется въ лѣтописи не завоевателемъ, а возстановителемъ своего права, нарушеннаго дерзкими дружинниками». Въ Кіевѣ онъ самъ становится княземъ. «Южныя племена и князья признаютъ (разумѣется сначала не всѣ и не по доброй волѣ) господство Олега, какъ князя варяжскаго, имѣющаго предъ туземными преимущество родоваго и *вѣроятно* религіознаго благородства, и какъ обладателя двухъ старѣйшихъ городовъ въ Руси Новгорода (отъ имени Игоря) и Кіева [2])». Отношенія къ туземнымъ князьямъ могутъ быть поняты изъ отношеній Олега и Игоря къ древлянамъ, которые «платятъ дань варяжскимъ князьямъ, при случаѣ даютъ военную помощь, иногда возстаютъ противъ кіевскаго князя, но сохраняютъ внутреннюю независимость. своихъ князей, иже распасли суть деревьску землю [3]). При Олегѣ туземные князья сохраняли еще свою независимость, въ договорѣ они называются «свѣтлыми» и на нихъ выговариваются уклады. «При Игорѣ отношенія мѣняются, какъ по причинѣ возрастающаго могущества варяжскихъ князей, такъ и въ слѣдствіе слiянія русскихъ династій съ варяжскою чрезъ браки [4]),» въ договорѣ Игоря упоминаются нетіи, а древляне думаютъ о бракѣ Мала съ Ольгою. «Вѣрнымъ *кажется*, что около половины X в. туземные князья утрачиваютъ постепенно свои владѣнія [5])», свое значеніе, свой титулъ и обращаются въ бояръ. При Олегѣ они принимаютъ участіе въ заключеніи договора; Игорь заключаетъ его уже отъ своего имени, и князья въ его договорѣ обозначаются собирательнымъ сло-

[1]) Стр. 149.
[2]) Стр. 150.
[3]) Стр. 151.
[4]) Стр. 153.
[5]) Стр. 154.

вамъ «княжье.» Ольгу сопровождаютъ еще княжескія жены въ Царьградъ, но въ древлянской землѣ она уже не довольствуется данью, а сама уставляетъ уставы и уроки, а Святославъ сажаетъ «въ Деревѣхъ» Олега, и съ этого времени туземные князья больше не упоминаются [1]).

Но если варяжскіе князья призваны съ балтійскаго поморья, жители котораго сами себя варягами въ этническомъ смыслѣ не называли, то откуда же взялось и попало въ Русь имя «варягъ»? Это кажется не коренное русское, а германскаго корня; но непосредственныхъ сношеній съ германскими народами до-рюриковская Русь не имѣла. Остается предположить, что оно занесено къ намъ съ Поморья, господствовавшими на немъ славянскими племенами [2])». Въ древнемъ верхнегерманскомъ языкѣ есть слово wari (Wehr) оборона, а въ словарѣ Геннига отмѣчено слово waro—Degen, рядомъ съ которымъ въ томъ же смыслѣ отмѣчена и форма warang-причемъ однакоже послѣдняя называется и винительнымъ падежемъ отъ waro. Что waro есть ничто иное, какъ древне-германское wari—несомнѣнно, но форму warang, по мнѣнію г. Гедеонова, нельзя признать ни винит. падежемъ отъ waro, ни уменьшительнымъ (какъ думалъ Шлейхеръ); «скорѣе, говоритъ онъ, можно бы предположить форму варѧ (ср. имя, буря, тля), или, что вѣроятнѣе —составное слово съ суффиксомъ ag warag варѧгъ, мечникъ. «Подъ этимъ именемъ *вѣроятно* слыли вендо-германскіе пираты. Въ этомъ смыслѣ слово warag перешло отъ балтійскихъ славянъ къ русскимъ, которые стали разумѣть подъ нимъ всѣхъ вообще балтійскихъ пиратовъ, были ли они шведы, норвежцы, оботриты, вагиры [3])» и пр. «Сами венды себя варягами въ этническомъ смыслѣ не называли; это имя было у нихъ походнымъ, подобно имени Viking: въ русской лѣтописи нѣтъ и слѣда, чтобы первые наши князья считали себя варягами или отъ рода варяжскаго. У восточныхъ славянъ слово warag скоро перешло изъ нарицательнаго въ географическое; имъ стали обозначать всѣ тѣ народности, отъ которыхъ выходили балтійскіе пираты — варяги. Многозначущія въ этомъ отношеніи слова лѣтописи: «та суть людье ноугородци отъ роди варяжска [4])», въ которыхъ авторъ видитъ намекъ на приходъ еще до Рюрика колоніи вендовъ въ Новгородъ; у туземцевъ они слыли подъ назва-

---

[1]) Стр. 155.
[2]) Стр. 167.
[3]) Стр. 170.
[4]) Стр. 171.

ніемъ варяговъ. Впрочемъ «о судьбахъ варяжства и варяжскаго имени слѣдуетъ замѣтить, что если Нестора сильно занимаютъ варяги (и потому, что Рюриковичи были отъ варяжскаго рода, и вслѣдствіе того значенія, какое получило варяжское имя по учрежденіи въ Греціи дружины варяговъ), то собственно русскихъ людей X в. они мало интерессовали. Варяжскіе князья и ихъ дружинники стали Русью; варяжскіе наемники, приходившіе изрѣдка по зову князей, были явленіемъ случайнымъ, малозамѣтнымъ въ русской жизни; варягами русскіе себя никогда не называли [1])». Вотъ почему идущія отъ Руси извѣстія арабскихъ писателей о варягахъ начинаются не прежде второй четверти XI в., т. е. съ того времени, какъ поѣздки норомановъ въ Константинополь усилились, а имя варанговъ получило особую извѣстность (даже въ самой Руси), какъ отборнаго византійскаго войска, и отличаются (извѣстія арабовъ) двоякимъ характеромъ. Съ одной стороны арабы подъ именемъ варанговъ понимаютъ уже однихъ скандинавовъ (съ принятіемъ христіанства сношенія съ языческимъ поморьемъ прекращаются, варяги Ярослава — исключительно норманы), съ другой, согласно съ коренными русскими понятіями, у нихъ варангами называется народъ, варяжскимъ — море. Что касается до скандинавовъ, то они «отъ грековъ приняли имя варанговъ подъ формою Vaeringi, замѣнивъ греческое ang своимъ сѣвернымъ ing, а начальное α въ слогѣ βαρ скандинавскимъ ae. Названію Vaeringjar прилагался кажется смыслъ наемниковъ» [2]), сами же греки взяли отъ Руси слово варягъ или вѣрнѣе отъ тѣхъ варяговъ, которыхъ Владиміръ отослалъ въ Грецію и которые составили начальное ядро корпуса варанговъ.

Признавая въ нашихъ князьяхъ и древнѣйшихъ варягахъ выходцевъ съ балтійскаго поморья, г. Гедеоновъ естественно старается доказывать по возможности вендское происхожденіе и самыхъ именъ нашихъ князей и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, при чемъ онъ считаетъ возможнымъ для объясненія личныхъ названій пользоваться мѣстными, для объясненія простыхъ словъ — составными. Впрочемъ ономатологическимъ выводамъ авторъ не придаетъ особаго значенія. Несомнѣнные слѣды вліянія одной народности на другую, по его мнѣнію, должны отражаться не на именахъ, а на главныхъ выраженіяхъ народной жизни: языкѣ, правѣ, религіи.

[1]) Стр. 174.
[2]) Стр. 181.

Сообразно съ этимъ основнымъ взглядомъ, онъ задается вопросомъ: можетъ ли признаваемая имъ система вендскаго происхожденія варяжскихъ князей указать на такія фактическія доказательства? Отвѣтъ дается, разумѣется, положительный, хотя и съ оговорками. «При сліяніи двухъ однокровныхъ народностей нельзя требовать, какъ при сліяніи двухъ разнородныхъ и враждебныхъ началъ, указанія на всестороніе, многообразные слѣды вліянія одного племени на другое. Къ тому же наша письменность начинается уже въ эпоху совершеннаго преобладанія русскаго элемента надъ вендскимъ; произведенія же народнаго русскаго духа, пѣсни, былины, сказанія, измѣняясь по мѣрѣ развитія народной жизни, дошли до насъ въ такомъ видѣ, который едвали позволяетъ угадать ихъ значеніе въ IX — XI в.» [1]) Западные славяне даже совсѣмъ не оставили намъ ни лѣтописей, ни грамотъ на своемъ языкѣ, по которымъ можнобы изучить существенныя черты отличія вендскаго элемента отъ русскаго. «При отсутствіи этихъ положительныхъ данныхъ мы должны довольствоваться лингвистическими догадками и соображеніями, пополняя ихъ сохранившимися у западныхъ, преимущественно германскихъ лѣтописцевъ, извѣстіями о внутреннемъ бытѣ, религіи и обычаяхъ нашихъ варяжскихъ предковъ» [2]).

Авторъ принимаетъ мнѣніе Копитара и Шафарика, что венды по происхожденію и языку стояли между чехами и поляками, а такъ какъ собственно отъ вендскаго языка дошло не болѣе 250 словъ, записанныхъ въ XVIII в., то онъ считаетъ возможнымъ обратиться къ помощи польскаго и чешскаго языка для разъясненія словъ не русскаго склада и происхожденія, встрѣчающихся въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ. Такія не русскія слова онъ ищетъ сперва въ юридическихъ памятникахъ, а потомъ въ литературныхъ, слѣдуя въ томъ и другомъ случаѣ хронологическому порядку. Въ договорахъ онъ можетъ указать только варіантъ «ци аще», встрѣчающійся два раза вмѣсто русскаго «аще ли» и напоминающій автору чешское či и польское czy, да «уклады», которыхъ Олегъ требовалъ на русскіе города,—слово употребленное въ лѣтописи только однажды и очевидно непонятное для переписчиковъ, передѣлавшихъ его въ «углады» [3]).

«При Владимірѣ и Ярославѣ западное начало отзывается на всѣхъ отрасляхъ народнаго права; князья занимаются уже не дѣле-

[1]) Стр. 308.

[2]) ibid.

[3]) Стр. 309—310.

ніемъ земли на погосты и установленіемъ дани, а устройствомъ своей дѣдины, законами, при чемъ совѣщаются съ дружиною [1]). Въ церковномъ уставѣ Владиміра г. Гедеоновъ приписываетъ западное происхожденіе словамъ: пискупъ (bischof, Biskup), смильное (smilnost, распутство), задушный (žadušni, церковный); въ Русской Правдѣ: синь, надъраженъ, оутнеть мечемъ, сводъ, локьщина, оуборокъ, помочное. погрепути, ролейный, войскій, копа, олекъ, запа, страда; въ Уставѣ Ярослава о мостовыхъ—«вымолъ». «Въ памятникахъ русскаго права XII—XIII в. вліяніе западнаго начала уже прекратилось. Терминологія русскаго права, а съ нею и самое право, отбросили все иноземное, насильственно или искуственно привитое» [2]).

«Какъ въ области права договоры, такъ въ древнерусской письменности произведенія духовныхъ лицъ, писанныя на церковномъ нарѣчіи, представляются исключеніемъ изъ общаго правила: мы не встрѣчаемъ признаковъ западнаго вліянія въ словѣ Иларіона, въ вопросахъ Кирика, въ посланіи Никифора и пр. За то варяжское начало оставило положительные, неоспоримые слѣды въ произведеніяхъ, писанныхъ русскимъ литературнымъ языкомъ XI и XII в. [3]) Въ поученіи Владиміра Мономаха г. Гедеоновъ признаетъ западное происхожденіе за словами: поохритаються, изъ прья, лязити, чинъ, очитивше, нестишь, кмети, въ пушахъ и по рови; въ словѣ Даніила Затѣ: поженетъ, неба полстяна и звѣздъ лутовяныхъ. Всего больше западныхъ словъ нашъ авторъ находитъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что авторъ слова «подражаетъ Бояну, соловью стараго времени какъ въ языкѣ, такъ и въ складѣ, понятіяхъ и картинахъ своей пѣсни. Онъ поетъ старыми словесы, т. е. тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ пѣвали княжескіе пѣснотворцы стараго времени, которымъ говорили варягорусскіе князья Владиміръ и Ярославъ» [4]). Такими словами онъ считаетъ: *трудныхъ* повѣстій, дотечаше, рокотаху, комони, абы. волци грозу въ сражатъ, орли *клектамъ на кости* зовутъ, успе, убуди, рассушась, потручати, стрибожи внуци, яръ туре, мечи *харулажными*, отня злата стола, свычаи и обычаи, канина, паполома, кикихуть, уѣдіе, Карна и Жла смагу мычучи, на болони, цвѣлити, на ниче ся годины обратиша, зегзицею кычеть, встрошкоташа.

[1]) Стр. 311.
[2]) Стр. 321.
[3]) Стр. 322.
[4]) Стр. 326.

Наконецъ лѣтописи тоже, по мнѣнію г. Гедеонова, представляютъ нѣсколько выраженій, объяснимыхъ изъ западнаго начала, таковы: оноко, вдолѣ, ссути, оходы, тети, рѣпь, биричи, трѣска, въ сховивъ ся, кобь, проскѣпъ, снемъ, наворозъ, прилбица, свѣсть, жеравецъ, серенъ, встань, милостници, до оудніа, перегоръ, небози и др. «Къ поморскому вліянію должно отнести и западно-словенскій ринизмъ, проявляющійся въ греческой транскрипціи вендорусскихъ именъ» [1]; на него же намекаютъ употребленіе придыханія *в* (Вольга), неизвѣстнаго ни русскому, ни старословянскому языку и безразличное употребленіе восточныхъ и западныхъ формъ: из. и вы, раз. и роз. Хотя въ литературныхъ памятникахъ западное вліяніе сказалось сильнѣе, однако и тамъ оно держится не далѣе конца XII в. Теперь спрашивается, чему приписать это появленіе и исчезновеніе западныхъ словъ и выраженій въ древнерусскихъ юридическихъ и литературныхъ памятникахъ? Предположить вліяніе Поляковъ вслѣдствіе раннихъ сношеній съ ними и захода въ Русь радимичей и вятичей нельзя: слова, взятыя добровольно отъ сосѣдей или отъ покоренныхъ племенъ, не могли бы выйти изъ народнаго употребленія. «Какъ водвореніе въ Руси варяжскихъ князей, такъ и вліяніе варяжскаго начала на Русь имѣли характеръ преимущественно династическій; большая часть отмѣченныхъ выше словъ и понятій принадлежитъ не народу, а князьямъ и дружинѣ; они могли держаться только покуда сохранилась память о варяжскомъ происхожденіи князей» [2]. Варяжское вліяніе сильнѣе отозвалось на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ Руси; если мы имѣемъ для этого мало данныхъ, то виною тутъ утрата первыхъ тетрадей новгородской лѣтописи, но варяжское вліяніе видно въ употребленіи по западному въ новгородскомъ нарѣчім *ц* вмѣсто *ч* и *щ*, въ преданіяхъ о варяжскихъ выходцахъ, въ названіяхъ мѣстностей: Волотово, Прусская улица, бискупля; «Концы въ Новгородѣ *весьма вѣроятно* тоже, что continae въ Штетинѣ; на сношенія съ Штетиномъ и поморьемъ указываютъ извѣстія о постройкѣ церквей Штетиничами и заморскими купцами. Имя Новгорода становится понятно, когда вспомнить о Старградѣ, характеръ новгородской вольницы и торговой знати тотъ же, что и поморской; характеръ веча и вечеваго устройства сходенъ до подробностей; одинаково и устройство княжескаго двора» [3].

---

[1] Стр. 341.
[2] Стр. 345.
[3] Стр. 347—9.

Указавъ слѣды варяжскаго влiянiя на русскомъ языкѣ и на политическомъ устройствѣ Новгорода, г. Гедеоновъ считаетъ возможнымъ представить и доказательства влiянiя вендовъ на религiю восточныхъ славянъ. Правда, вендскiя названiя боговъ не извѣстны въ Руси, но «при племенномъ значенiи большей части славянскихъ божествъ, очевидно, что многiя разнились только названiями: Святовитъ, Триглавъ, Бѣлбогъ, Перунъ — были прироками одного и того же верховнаго бога Сварога. Варяжскiе князья поклонялись на Руси Святовиту въ Перунѣ» [1]); отъ замѣны вендскими именами русскихъ названiй боговъ они вѣроятно отказались, согласно съ условiями договора призванiя. Впрочемъ г. Гедеоновъ видитъ въ упоминаемомъ у Нестора Дажь-богѣ Сворожича — Радегаста вендовъ и даже считаетъ возможнымъ прiурочить занесенiе его въ Русь ко времени возвращенiя Владимiра изъ варяжской земли. Основанiемъ для него въ этомъ случаѣ служитъ частiю названiе Дажьбога сыномъ Сворога въ болгарскомъ хронографѣ, частiю существованiе у вендовъ бога Сворожича, а главное — написанiе имени этого божества въ Словѣ о полку Игоревѣ Даждьбогъ, по вендски. Такое же значенiе онъ придаетъ и переименованiю въ словѣ о полку Игоревѣ Волоса въ Велеса. Поморскому влiянiю г. Гедеоновъ приписываетъ и изображенiе на одной старой русской иконѣ демоновъ многоголовыми, какъ венды изоброжали своихъ боговъ, и выраженiе — дѣлать дыню, т. е. творить тризну, и перенесенiе на Кiевъ названiя Штетина mater civitatum, и названiе города Ладога (соб. Lahoda) Любечь [2]).

Послѣднюю главу первой части г. Гедеоновъ посвящаетъ наблюденiямъ надъ обычаями, нравами и привычками нашихъ первыхъ князей, и останавливается преимущественно на тѣхъ чертахъ, которыя вполнѣ понятны, если видѣть въ князьяхъ славянъ, и странны, если признать въ нихъ норманскихъ конунговъ. Такъ онъ указываетъ, что наши князья (Святославъ), подобно другимъ славянамъ, брили голову и бороду, тогда какъ германцы считали это безчестiемъ; что князья и ихъ дружина совершали походы верхомъ, тогда какъ норманы выставляются незнакомыми съ верховой ѣздой; что оружiемъ князей были мечи, а не норманскiя сѣкиры: что суда, на которыхъ они совершали походы на Византiю, носятъ чисто славянскiя названiя, а не норманскiя; что при нашихъ молодыхъ

[1]) Стр. 349.

[2]) Стр. 350—358.

княжьяхъ бывали кормильцы, которые замѣняли имъ отца, тогда какъ у норманновъ кормильцы не пользовались особымъ почетомъ; что у каждаго изъ нашихъ князей былъ свой воевода — намѣстникъ, тогда какъ такое воеводство противно норманскому характеру; наконецъ, что самый характеръ воинъ князей иной, чѣмъ у норманновъ: послѣдніе любятъ подвиги личнаго удальства и поединки, тогда какъ русскіе любили сражаться массою, и князь игралъ лишь роль вождя [1]).

При изложеніи какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ воззрѣній г. Гедеонова, мы старались въ большинствѣ случаевъ говорить словами самого автора. Такой способъ передачи содержанія, конечно, выходитъ нѣсколько длиненъ, но за то онъ представляетъ и свои выгоды: съ помощію его рецензентъ не только избѣгаетъ обвиненія въ умышленномъ или даже не умышленномъ искаженіи взглядовъ автора, но и даетъ читателю возможность самому оцѣнить справедливость дѣлаемыхъ имъ замѣчаній на разбираемое сочиненіе. Намъ кажется, что теперь достаточно сравнить вышеизложенныя положительныя и отрицательныя воззрѣнія г. Гедеонова, чтобы тотчасъ же замѣтить, въ чемъ оно сильнѣе. Возраженія норманистамъ очевидно отличаются большою послѣдовательностію и рѣшительностію; г. Гедеоновъ умѣетъ подмѣтить не только слабыя стороны противниковъ, но и самые мотивы и причины, вынудившіе ихъ высказать тѣ или другія соображенія по поводу разбираемыхъ ими отдѣльныхъ фактовъ; напротивъ, его собственныя соображенія высказаны какъ-то спутанно и нерѣшительно: на каждомъ шагу наталкиваешься то на отступленія, нужныя будто бы для дальнѣйшаго развитія системы, то на жалобы относительно скудости источниковъ или — необходимости прибѣгать къ аналогическимъ и апріорическимъ соображеніямъ; за постоянно встрѣчающимися: «вѣроятно, кажется, можетъ быть» чудится не осторожность изслѣдователя, а его неувѣренность въ прочности различныхъ звѣньевъ создаваемой имъ системы.

Признавая въ большинствѣ случаевъ справедливость возраженій г. Гедеонова противъ норманской системы, не можемъ однако не замѣтить, что иногда въ своихъ требованіяхъ онъ заходитъ черезчуръ далеко. Г. Гедеоновъ настаиваетъ напр. на томъ, чтобы норманисты указали ему: «почему русская исторія не знаетъ ни дѣленія земли, ни ленной системы, ни гильдъ, ни городскихъ общинъ

---

[1]) Стр. 359—394.

и пр.» [1]). Предъявлять такія требованія едва ли удобно. Теперь перестали уже объяснять происхожденіе ленной системы исключительно изъ нѣмецкаго элемента и допускаютъ участіе въ образованіи ея элементовъ римскаго и кельтскаго [2]). Самое развитіе феодализма относятъ во Франціи къ IX — X в., въ Германіи —къ X— XI. Въ скандинавскія государства ленная система проникаетъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, какъ и въ земли поморскихъ и полабскихъ славянъ, а такъ какъ христіанство утвердилось на скандинавскомъ полуостровѣ не ранѣе конца X в., то и развитіе ленной тамъ системы могло начаться уже въ XI в. Городскія общины, возникшія подъ вліяніемъ начавшейся опозиціи феодализму, заявляютъ о своемъ существованіи рядомъ возстаній не ранѣе конца XI в. Спрашивается, какимъ же образомъ норманы, если подъ ними разумѣть варяговъ, могли принесть къ восточнымъ славянамъ такія учрежденія, которыхъ у нихъ самихъ въ IX в. еще не было?

Впрочемъ, оставимъ норманистамъ самимъ отбиваться отъ ударовъ г. Гедеонова; наше же дѣло—разобрать прочность его собственной системы. Г. Гедеоновъ, какъ извѣстно, имя «словене» считаетъ племеннымъ названіемъ только нашихъ новгородцевъ, болгаръ, словинцевъ и словаковъ. Если не ошибаемся, къ этому положенію нашъ авторъ пришелъ слѣдующимъ образомъ. Читая лѣтопись, онъ отмѣчалъ для себя всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается о «словенахъ, словенскомъ языкѣ, словенской грамотѣ», и потомъ, на основаніи собранныхъ текстовъ, сталъ соображать, нельзя ли во всѣхъ нихъ подмѣтить одно постоянное значеніе, которое Несторъ придавалъ термину «словене». При этомъ г. Гедеоновъ держался того правила, что вопросъ рѣшается, такъ сказать, большинствомъ голосовъ (текстовъ), что отдѣльные примѣры, представляющіе какъ бы употребленіе въ иномъ смыслѣ изучаемаго термина, могутъ быть не принимаемы въ соображеніе: они не болѣе какъ исключенія, требующія конечно объясненія, но не подрывающія положенія, выводимаго изъ разсмотрѣнія большинства текстовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступалъ г. Гедеоновъ, когда ему приходилось рѣшать, кого разумѣть у Нестора подъ Русью или словено-русскими племенами. Самъ по себѣ подобный пріемъ вполнѣ научёнъ и постоянно практикуется при объясненіи древнихъ авторовъ; но едва ли онъ вполнѣ примѣнимъ къ данному случаю. Теперь уже

---

1) Стр. 26.

2) G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte.

всѣми признано, что такъ называемая лѣтопись Нестора не болѣе какъ сводъ, составленный въ началѣ XII в. Но если никто не сомнѣвается, что у Нестора были подъ руками довольно разнообразные источники въ видѣ греческихъ хроникъ, отдѣльныхъ русскихъ сказаній, житій, лѣтописныхъ мѣстныхъ замѣтокъ или даже сводовъ; за то все еще остается неразрѣшимою загадкою, да въ чемъ же состояла редакція самого Нестора, ограничился ли онъ однимъ простымъ приведеніемъ въ хронологическій порядокъ своихъ источниковъ, или же переработалъ ихъ по одному опредѣленному плану? Если предположить простую переписку источниковъ, въ такомъ случаѣ г. Гедеоновъ допускаетъ возможность употребленія нѣсколькими писателями (отличавшимися конечно другъ отъ друга своими свѣдѣніями въ славянской этнографіи) термина «словене» въ одномъ и томъ же утонченномъ, чтобы не сказать искусственномъ значеніи, какое, по догадкѣ г. Гедеонова, усвоилъ себѣ Несторъ, что представляется маловѣроятнымъ, а слѣдовательно и побуждаетъ осторожнѣе обращаться съ вышеупомянутымъ способомъ толкованія терминовъ.

Г. Гедеоновъ, повидимому, болѣе расположенъ считать Нестора систематикомъ; если такъ, то всякія исключенія невольно возбуждаютъ сомнѣніе, да не ищетъ ли коментаторъ системы тамъ, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ, или не ошибается ли онъ въ пониманіи дѣйствительно существующей системы. Намъ кажется, что г. Гедеоновъ въ данномъ случаѣ впадаетъ именно въ этого рода ошибки. Онъ объявляетъ исключеніемъ слова Нестора: «бѣ единъ языкъ словенескъ: словене иже седяху по Дунаеви, ихже пріяша Угри, и Морава, и Чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь», и объясняетъ появленіе ихъ въ лѣтописи знакомствомъ Нестора съ употребленіемъ имени «словене» у византійцевъ. Но при изученіи терминологіи писателя-систематика, нельзя объявлять исключеніемъ такое мѣсто, гдѣ самъ Несторъ дѣлаетъ обобщеніе; напротивъ именно въ такихъ мѣстахъ и слѣдуетъ искать ключъ къ пониманію терминологіи лѣтописи.

Если бы г. Гедеоновъ взялъ за исходный пунктъ именно вышеприведенныя слова, въ которыхъ Несторъ кратко исчисляетъ главнѣйшія славянскія народности, то ему не зачѣмъ было бы называть чеховъ, ляховъ «выродившимися отъ словенъ племенами», не за чѣмъ было бы недоумѣвать, почему Морава, прозвавшаяся своимъ именемъ отъ рѣки, на которой поселилась, называется иногда у Нестора словенами; для нашего лѣтописца Морава такое же

словенское племя, какъ и полочане, прозвавшіеся отъ р. Полоты, древляне, поселившіеся въ лѣсахъ, дреговичи, (имя которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, какъ и имена сербовъ, хорватовъ, лѣтописецъ не умѣлъ объяснить) и другія русскія племена, за которыми самъ г. Гедеоновъ признаетъ словенское происхожденіе, словенскій языкъ. Г. Гедеоновъ увѣряетъ даже, будто «имя словенъ въ общемъ смыслѣ не было извѣстно славянскимъ народамъ, славянскими лѣтописателями употребляется только въ случаяхъ крайней литературной необходимости». Что такое литературная необходимость, г. Гедеоновъ не объясняетъ, но сдва-ли съ нимъ можно согласиться, чтобы славянскія племена не знали своего общаго имени. Если признать съ авторомъ, что только четыре племени носили это имя, то какъ же слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что древнѣйшіе франкскіе лѣтописцы, какъ Фредегаръ [1]) и его продолжатели, незнавшіе греческихъ писателей (могшихъ положимъ заимствовать имя славянъ отъ своихъ сосѣдей въ Мизіи), и жившіе въ такія времена, когда еще не была изобрѣтена словенская грамота, обзываютъ однако полабовъ и поморянъ славянами? Какъ объяснить тотъ фактъ, что нѣмецкіе писатели XI—XII в. называютъ землю тѣхъ же племенъ slavia [2])? И какъ наконецъ понять, почему сами поморскіе князья въ своихъ древнѣйшихъ грамотахъ даютъ своей странѣ тоже самое названіе [3])? А вѣдь по теоріи г. Гедеонова поморяне должны быть признаны выродками не прямо отъ словенъ, а еще при посредствѣ выродившихся отъ нихъ чеховъ и ляховъ.

Неосторожное примѣненіе способа толкованій терминологіи древнихъ писателей къ лѣтописи Нестора отразилось и на дѣленіи г. Гедеоновымъ восточныхъ славянъ на «словенорусскія и на отторгнувшіяся отъ своихъ центровъ несловенскія племена». Несторъ говоритъ: «се бо токмо словѣнескь языкъ въ Руси: поляне, деревляне, ноугородци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже велыняне»; сопоставляя эти слова съ извѣстіями лѣтописи о разселеніи славянъ по восточной Европѣ и о княженіяхъ у нихъ, при чемъ Несторъ перечислилъ тѣ же самыя племена, кромѣ бужанъ, г. Гедеоновъ дѣлаетъ выводъ, что всѣ остальныя племена, здѣсь не поименованныя, не принадлежали къ словено-рус-

1) Fredeg. c. 63; an. Einh. a. 730, 782.

2) Widuk. II, 20; Ad. Br. II, 18; о знакомствѣ Титмара со всѣми восточными и западными славянами см. мое изслѣдованіе: Титмаръ Мерзебургскій и его Хроника. СПБ. 1872 стр. 161 и слѣд.

3) Meklenburgisches Urkundenbuch № 98, 147, 148 и пр.

скимъ, не говорили словено-русскимъ языкомъ. Очевидно, авторъ придалъ слишкомъ большое значеніе молчанію Нестора и на немъ построилъ свое положеніе; но и здѣсь г. Гедеоновъ поступилъ не совсѣмъ осторожно. Онъ выхватилъ изъ лѣтописи три мѣста, не обративъ должнаго вниманія на связь ихъ съ предидущими и послѣдующими словами Нестора. Лѣтописецъ, перечисляя племена, говорившія на Руси словенскимъ языкомъ, дѣйствительно умалчиваетъ о дулѣбахъ, вятичахъ, радимичахъ, тиверцахъ, уличахъ; но онъ умалчиваетъ объ нихъ и когда вслѣдъ за вышеприведенными словами продолжаетъ: «а се суть иніи языци, иже дань дають Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь; си суть свой языкъ имуще» [1], т. е. когда перечисляетъ исключительно финскія и литовскія племена; а между тѣмъ дулѣбы, принимавшіе участіе въ походѣ Олега на Византію, выставляются у самого Нестора, какъ «сущая словены» [2], радимичи и вятичи названы имѣющими одинъ обычай съ сѣверянами [3], въ словенорусскомъ происхожденіи которыхъ не сомнѣвается самъ г. Гедеоновъ, наконецъ уличи и тиверцы оказываются живущими по Днѣстру и далѣе къ Дунаю до самаго моря [4], т. е. въ той мѣстности, которая, по представленію Нестора, была исходнымъ пунктомъ расселенія славянскихъ племенъ и гдѣ продолжали жить словене подъ игомъ не разъ смѣнявшихся находниковъ: волоховъ, обровъ, угровъ, болгаръ и пр. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ, по нашему мнѣнію, можно сдѣлать только одно заключеніе, что въ вышеприведенныхъ словахъ Несторъ противополагаетъ словенскій языкъ не ляшской, чешской или сербской рѣчи, а финской или литовской; Литву же лѣтописецъ дѣйствительно никогда не причисляетъ къ славянамъ [5]), не выводитъ съ Дуная, равно какъ и финскія племена.

Не соглашаясь съ г. Гедеоновымъ въ пониманіи «словенъ и словенорусской народности» IX вѣка, мы не можемъ признать вполнѣ справедливою и его характеристику быта и устройства восточныхъ славянъ въ эпоху призванія. Вся его характеристика древнеславянскаго быта основана почти исключительно на извѣстіяхъ за-

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Арх. Ком. С.-П Б. 1872 стр. 10.

[2]) Ср. ibid. стр. 11 и 29.

[3]) ibid. стр. 13.

[4]) ibid. Стр. 12.

[5]) Лѣтопись по Лавр. списку, стр. 3, 10, 150 и пр.

падныхъ писателей о полабскихъ и поморскихъ славянахъ и потомъ пріурочена къ русско-словенскимъ племенамъ.

Прежде всего замѣтимъ, что всѣ приводимыя авторомъ свидѣтельства взяты у лѣтописцевъ XI—XII в., и между тѣмъ г. Гедеоновъ пользуется ими для пониманія скудныхъ извѣстій о русскихъ славянахъ до половины IX в., хотя самъ же въ другихъ случаяхъ считаетъ подобный пріемъ, встрѣчаемый имъ у норманистовъ, не строго научнымъ [1]). Далѣе, г. Гедеоновъ признаетъ, что развитіе язычества и религіозной нетерпимости у полабскихъ и особенно поморскихъ славянъ совершалось при нѣсколько исключительныхъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ борьбы съ нѣмцами за религіозную и политическую самостоятельность, а между тѣмъ считаетъ возможнымъ явленія ихъ быта переносить и на восточныхъ славянъ, хотя исторія этихъ послѣднихъ не знаетъ ничего подобнаго. Начальная лѣтопись упоминаетъ о насмѣшкахъ надъ христіанами языческихъ дружинниковъ Святослава [2]), но не о враждѣ между ними; напротивъ въ самой княжеской дружинѣ спокойно уживались представители различныхъ націй и религій. Подобная терпимость была знакома еще въ XI в. и поморскимъ славянамъ [3]). Если же у восточныхъ славянъ не бывало столкновеній изъ за религіи съ иноплеменниками и съ иновѣрцами, то возможно ли допустить, чтобы они боролись изъ за нея между собою? Вѣдь самъ же г. Гедеоновъ увѣряетъ, что боги славянъ отличались между собою лишь именами, и что переселившіеся къ намъ вендскіе князья безъ затрудненія могли отказаться отъ поклоненія Святовиту или поклоняться ему въ Перунѣ; но если князья, которые, по мнѣнію автора, были въ тоже время и жрецами, оказывались столь способными къ мѣнѣ одного божества на другое, то не за чѣмъ предполагать особой религіозной вражды и между племенами. Мы принимаемъ извѣстія Титмара, Адама Бременскаго, Гельмольда и Саксона Грамматика о томъ, что капища въ Ретрѣ и Арконѣ пользовались особымъ почетомъ у всѣхъ славянскихъ племенъ, что жрецы и князья этихъ городовъ имѣли вліяніе на политическія дѣла всего поморья, но только источникъ этого вліянія видимъ не въ предполагаемомъ религіозномъ старшинствѣ, а въ славѣ, которою пользовались у славянъ оракулы Сварожича и Святовита. Гельмольдъ прямо говоритъ,

[1]) См. напр. стр. 350.
[2]) Лѣт. по Лавр. сп. стр. 62
[3]) Ad. Br. II, 19

что г. Ретра пользовался особымъ почетомъ и привлекалъ отовсюду толпу поклонниковъ propter responsa et annuos sacrificiorum impensiones [1]). Что касается до различныхъ способовъ брака и погребенія, существовавшихъ на Руси, то едва-ли въ нихъ можно видѣть слѣды различныхъ религіозныхъ сектъ. Погребеніе въ землѣ и сожиганіе труповъ, по сознанію самого автора, практиковались одновременно у вендовъ и чеховъ, и однако же западные писатели ничего не говорятъ о столкновеніяхъ между племенами изъ за обрядовъ.

Если читатель согласится съ нами, что между славянскими племенами не было (по крайней мѣрѣ въ IX в.) религіозной нетерпимости или борьбы за религіозное старшинство; въ такомъ случаѣ самъ собою падетъ единственный заслуживающій вниманія мотивъ, вслѣдствіе котораго ильменскіе словене и союзныя съ ними племена могли бы обратиться за князьями въ Поморье. Племеннаго старшинства новгородцы, считавшіе себя старшимъ племенемъ и обладателями старѣйшаго города на Руси, конечно (согласно съ системою г. Гедеонова) не могли признать за вендами, выродками отъ словенъ во второй степени; отказывая вендамъ въ племенномъ старшинствѣ, новгородцы едвали могли считать вендскихъ князей старше и благороднѣе [2]) своихъ собственныхъ или южнорусскихъ послѣдніе все-же вышли изъ племени, говорящаго словенскимъ языкомъ, отличавшагося происхожденіемъ отъ словенъ; тогда какъ вендскіе князья въ ихъ глазахъ не могли похвастаться ни тѣмъ, ни другимъ. Правда, остается еще старшинство одного города предъ другимъ, и повидимому г. Гедеонова не мало соблазняло сближеніе, сдѣланное г. Котляревскимъ между именемъ и устройствомъ поморскихъ городовъ (Старградъ) и Новгорода, и онъ даже подъискивалъ доказательства существованія вендской колоніи въ Новгородской области; однако же ученая добросовѣстность заставила его уклониться отъ прямаго заявленія, что Новгородъ обязанъ своимъ происхожденіемъ вендамъ, и что онъ обратился за князьями въ Поморье, какъ къ колоніи на мѣсто своей первоначальной родины.

Но допустимъ, что новгородцамъ и другимъ сѣвернымъ племенамъ, изгнавшимъ или истребившимъ *всѣхъ* своихъ князей (фактъ,

[1]) Helm. I, 21.

[2]) Г. Гедеоновъ настаиваетъ на томъ, что вендскіе князья издавна славились своимъ благороднымъ происхожденіемъ, но онъ упускаетъ изъ виду, что свѣдѣнія о нихъ намъ приходится извлекать изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, въ глазахъ которыхъ всякій мелкій землевладѣлецъ—сеньоръ былъ nobilis.

замѣтимъ, маловѣроятный и не представляющій въ русской исторіи ничего подобнаго), въ трудную минуту венды могли показаться старѣйшимъ племенемъ, ихъ князья—благороднѣе или по крайней мѣрѣ удобнѣе южно-русскихъ; все-таки остается еще вопросъ, откуда же именно вышли эти князья? Отвѣтъ, даваемый на него г. Гедеоновымъ, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не лучше того, какой дали норманисты: тѣ послѣ ряда неудачныхъ поисковъ по скандинавскимъ государствамъ за областію, въ которой первоначально жили переселившіеся къ намъ варяги—русь, остановились наконецъ въ лицѣ Ламбина на какой-то небывалой дружинѣ Русь, а г. Гедеоновъ сперва повидимому дѣлаетъ попытку пріурочить варяговъ и варяжскихъ князей къ племени вагировъ, но потомъ имя варяговъ объявляетъ неизвѣстнымъ у поморянъ въ этническомъ смыслѣ, а признаетъ его походнымъ обозначеніемъ дружины, въ родѣ норманскихъ viking'овъ. Доказательства, приводимыя авторомъ въ подтвержденіе этихъ догадокъ, едвали могутъ быть признаны убѣдительными. Г. Гедеоновъ, указывая на свидѣтельство Гельмольда (писателя конца XII в.) о господствѣ когда-то (quandoque) вагирскихъ князей надъ землею дальняго народа наряду съ сосѣдними землями бодричей и кичанъ, видитъ въ немъ намекъ на призваніе варяжскихъ князей, и самый фактъ — могущества вагировъ смѣло относитъ къ половинѣ IX в. Но отъ IX в. до насъ дошло не мало извѣстій современныхъ латинскихъ лѣтописцевъ именно о сѣверныхъ полабо-поморскихъ племенахъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и вагиры, и однако же ни Еингардъ, ни фульдскіе лѣтописцы не только ничего не знаютъ о господствѣ вагировъ надъ бодричами, кичанами и какимъ-то отдаленнымъ народомъ, напротивъ, первенствующими и соперничающими между собою племенами выставляютъ именно бодричей и лютичей [1]); слѣдовательно, преданіе, записанное Гельмольдомъ, никакъ не можетъ относиться къ первой половинѣ IX в. Въ подкрѣпленіе къ извѣстію Гельмольда авторъ указываетъ также на весьма неопредѣленную замѣтку нубійскаго географа о выселеніи на материкъ жителей какихъ-то острововъ, куда

[1]) Еингардъ подъ 789 г. называетъ лютичей или велетовъ gens bellicosa et in sua numerositate confidens, а бодричей выставляетъ союзниками франковъ, призвавшими Карла В. противъ лютичей. Vita Car. M. c. 12. При преемникахъ Карла В. опять почти исключительно въ западныхъ лѣтописяхъ отмѣчаются одни Бодричи и Лютичи, то какъ союзники, то какъ враги каролинговъ, о вагирахъ же нѣтъ и помину. Cp. Annales Einhardi a. 815, 817, 822; annales Prudentii Trecensis a. 838, 839; annales Fuldenses a. 844, 858 и пр.

ѣздятъ за янтаремъ и цвѣтными каменьями, и на позднѣйшія преданія русскихъ бояръ о выходѣ ихъ предковъ вмѣстѣ съ Рюрикомъ изъ Пруссіи; но едвали эти извѣстія заслуживаютъ болѣе довѣрія, чѣмъ хвастливые разсказы вагирскихъ старѣйшинъ объ ихъ быломъ могуществѣ, записанные Гельмольдомъ. Впрочемъ и самъ г. Гедеоновъ не придаетъ большаго значенія всѣмъ этимъ позднѣйшимъ извѣстіямъ и преданіямъ; по его словамъ, славянскій духъ призванныхъ князей всего лучше опредѣляется характеромъ ихъ отношеній къ туземнымъ русскимъ князьямъ; эти же отношенія онъ изучаетъ по лѣтописнымъ замѣткамъ о древлянахъ и по характеру извѣстій о князьяхъ въ договорахъ. Но если отношенія древлянскихъ князей къ рюриковичамъ состояли лишь въ томъ, что первые платили послѣднимъ дань, при случаѣ подавали военную помощь, по временамъ возставали, но сохраняли независимость внутренняго управленія: такъ гдѣ же тутъ характерныя, однимъ славянамъ свойственныя отношенія? Такъ точно въ XIII—XV в. относились и монгольскіе ханы къ русскимъ князьямъ. Что касается до замѣны «свѣтлыхъ князей» договора Олегова собирательнымъ «княжьемъ» въ договорѣ Игоря, то едва ли тутъ слѣдуетъ видѣть указаніе на постепенное захуданіе туземныхъ княжескихъ родовъ; измѣненіе въ титулѣ можетъ быть объяснено и тѣмъ, что, редактируя первый договоръ, греки заботились о льстивомъ тонѣ, необходимомъ съ побѣдителями, и небрегли о немъ въ договорѣ съ побѣжденнымъ Игоремъ. Захуданіе князей, конечно, было возможно, но извѣстно, что въ позднѣйшее время и захудалые роды долго не отказывались отъ княжескаго титула; да и возможно ли было столь быстрое захуданіе, когда самъ г. Гедеоновъ предполагаетъ существованіе брачныхъ союзовъ между пришлыми и туземными князьями?

Обратимся къ другому положенію автора относительно происхожденія и судьбы варяжскаго имени. Г. Гедеоновъ считаетъ несомнѣннымъ, что корень записаннаго въ вендскомъ словарѣ XVIII в. слова waro, accus. warang (по другому списку warang—nominat.) заимствованъ отъ древне нѣмецкаго wari (Wehr); по «о винительномъ падежѣ warang (warā-варѧ) при именительномъ waro, по его словамъ, думать нельзя; warang моглобы быть только винительнымъ падежемъ (муж. р.) слова war (ср. царь царя), если бы дѣло шло о существѣ одушевленномъ; при обозначеніи неодушевленныхъ предметовъ винительный падежъ не разнится отъ именительнаго. Скорѣе можно предположить особую форму варѧ (ср. имя, пламя,

буря, тля), но что же тогда станется съ другою однозначущею формою waro?» [1]) Мы нарочно выписали собственныя слова г. Гедеонова, чтобы насъ не обвинили въ умышленномъ преувеличеніи ошибокъ автора. Достаточно хотя немного быть знакомымъ съ древне-славянскимъ языкомъ, чтобы признать невозможность предполагаемыхъ г. Гедеоновымъ формъ варѧ въ смыслѣ винительнаго падежа отъ имен. муж. рода варь (тогда было бы варѩ, какъ царь-царѩ), или именит. жен. рода (опять было бы варѩ, какъ и приводимыя авторамъ бурѩ, тлѩ, имѣющія ѧ въ род. ед.). За этими странными лингвистическими соображеніями слѣдуютъ не менѣе непонятныя предположенія о судьбѣ варяжскаго имени. Г. Гедеоновъ совершенно вѣрно замѣтилъ тотъ фактъ, что имя варанговъ употребляется у арабскихъ и византійскихъ писателей не ранѣе первой четверти XI в., но такъ какъ на Руси (по его системѣ) оно должно быть извѣстно по меньшей мѣрѣ съ IX в., а русскіе рано вступили въ сношенія съ греками и арабами, то надлежало объяснить, почему варанги — варяги столь поздно дѣлаются извѣстны византійцамъ и арабамъ. Онъ и объясняетъ: «варяги мало интересовали собственно русскихъ людей X в. Варяжскіе князья и ихъ дружинники стали Русью; варяжскіе наемники, приходившіе по рѣдкому зову князей, были явленіемъ случайнымъ, мало-замѣтнымъ. Имя варяговъ становится болѣе извѣстнымъ (даже въ Руси) со времени учрежденія корпуса варанговъ въ Греціи изъ высланныхъ туда Владиміромъ варяговъ; но эти варяги — варанги были уже норманами, какъ ихъ и понимали греческіе и арабскіе писатели; про первоначальныхъ варяговъ—вендовъ стали забывать, такъ какъ съ принятіемъ христіанства сношенія Руси съ вендо-варяжскимъ поморьемъ должны были прекратиться; при Ярославѣ варяги состоятъ исключительно изъ нормановъ» [2]). Всѣ эти положенія автора невольно возбуждаютъ рядъ вопросовъ, на которые мы напрасно искали отвѣта въ его книгѣ. Если русскіе люди способны были мало интересоваться варяжскимъ происхожденіемъ и именемъ своихъ князей и ихъ дружинниковъ, то какимъ же образомъ могло сдѣлаться извѣстнымъ у нихъ имя византійскихъ варанговъ, когда въ самой Греціи оно пріобрѣтаетъ почетъ не ранѣе второй четверти XI в., т. е. какъ разъ въ то время, когда политическія сношенія Руси съ Византіей почти совсѣмъ прекратились, а церковныя и

---

[1]) Стр. 168.
[2]) Стр. 173—4.

торговыя затруднялись разбоемъ половцевъ? Вѣдь не могли же создать на Руси славу имени византійскихъ варанговъ тѣ скандинавы, которые, послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы въ варангскомъ отрядѣ, возвращались на родину варяжскимъ путемъ! По системѣ г. Гедеонова, только такіе скандинавы и назывались вэрингами, а между тѣмъ количество возвращавшихся изъ Византіи чрезъ Русь не могло быть велико: часть ихъ должна была пасть въ битвахъ во время постоянныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ Византіи, другая — могла вернуться на родину западнымъ путемъ; слѣдовательно на Руси вэринги, по всей вѣроятности, были еще менѣе замѣтнымъ явленіемъ, чѣмъ вендо-варяги IX — X в.

Далѣе, самое учрежденіе варангскаго корпуса въ Византіи, какъ его понимаетъ г. Гедеоновъ, представляетъ неразрѣшимую загадку. Если первоначальное ядро этого корпуса составили варяги, отосланные въ 980 г. Владиміромъ въ Константинополь, то какимъ же образомъ они оказались норманами? По мнѣнію г. Гедеонова, Владиміръ бѣжалъ изъ Новгорода въ поморье, провелъ тамъ три года, пріобрѣлъ за это время наклонность къ учрежденію пышнаго культа богамъ и даже вывезъ оттуда съ собою поклоненіе Дажьбогу; спрашивается, кто же были приведенные имъ съ собою и потомъ отосланные въ Грецію варяги? Конечно венды, а между тѣмъ въ Константинополѣ они превратились въ нормановъ! Но предположимъ, что дружина, приведенная Владиміромъ изъ поморья, состояла частію изъ вендовъ, частію изъ норманов, что лучшіе мужи, оставленные русскимъ княземъ, принадлежали къ первымъ, а отосланные въ Константинополь — къ послѣднимъ; все же остается непонятнымъ, почему норманы — варяги, нанявшись въ Греціи, усвоили себѣ походное имя вендовъ, а не свое собственное «викинги»? Наконецъ едва ли можно согласиться съ авторомъ, будто на Руси скоро забыли первоначальный смыслъ имени «варяговъ» вслѣдствіе прекращенія съ конца X в. сношеній съ поморьемъ. Бывали ли у русскихъ сношенія съ поморьемъ въ VIII — IX в., это, какъ сознается самъ авторъ, только весьма вѣроятное предположеніе; но что они существовали въ XI и началѣ XII в., когда въ поморьѣ господствовало еще язычество, на это есть положительныя свидѣтельства у современныхъ западныхъ лѣтописцевъ и въ актахъ. Адамъ Бременскій (писатель конца XI в.) знаетъ, что въ поморскій городъ Волынъ съѣзжались для торговли не только окрестные варвары, но и саксы и греки. Подъ послѣдними всѣ изслѣдователи понима-

ютъ русскихъ, какъ принявшихъ вѣру отъ грековъ; на это же указываетъ и замѣтка Адама Бременскаго, что изъ Волына на судахъ можно доплыть до русскаго Острогарда (Новгорода) въ 14 дней [1]). Въ учредительной грамотѣ Генриха Льва Любеку на городское право, дошедшей до насъ въ редакціи 1188 г., но относящейся собственно къ половинѣ XII в., русскіе купцы, пріѣзжающіе въ любекскій портъ, объявляются свободными отъ пошлины [2]). Разумѣется, подобное распоряженіе былобы невозможно, если бы русскіе купцы не пріѣзжали въ поморскія гавани съ своими товарами еще до пожалованія Любеку нѣмецкаго городскаго права. И такъ язычество не мѣшало сношеніямъ Руси съ поморьемъ послѣ принятія христіанства Владиміромъ, а слѣдовательно и нечего въ немъ искать причины забвенія на Руси первоначальнаго значенія имени Варяговъ.

Хотя граматическія ошибки, обнаруженныя г. Гедеоновымъ при объясненіи слова warang, заставляютъ предполагать, что и его лингвистическіе доводы въ пользу вендскаго происхожденія варяговъ могутъ быть не особенно убѣдительны, однако, не считая себя компетентнымъ судьею въ этимологическихъ вопросахъ, мы предоставляемъ разборъ ихъ лицамъ болѣе насъ свѣдущимъ въ славянской и нѣмецкой филологіи; мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ соображеніяхъ автора, не соотвѣтствующихъ, по нашему мнѣнію, его собственной системѣ. Г. Гедеоновъ сознается, что до временъ Владиміра и Ярослава вендское начало почти совсѣмъ не замѣтно въ древне-русскихъ памятникахъ, а потомъ обнаруживается яснѣе какъ на юридическихъ, такъ и на литературныхъ произведеніяхъ, и объясняетъ это тѣмъ, что только съ Владиміра князья занимаются устройствомъ Руси, при чемъ руководствуются совѣтомъ дружинниковъ. Но если варяжскіе князья и пришедшіе съ ними дружинники скоро стали Русью (когда? — авторъ не говоритъ, какъ не говорятъ и норманисты, допускающіе быстрое поглощеніе скандинавскаго элемента славянскимъ), если Владиміръ отославъ варяговъ въ Византію, а лучшихъ изъ нихъ отправилъ посадниками по городамъ; если варяги Ярослава были уже норманы; то какимъ же образомъ вендское начало отзывается въ правѣ и литературѣ теперь, когда повидимому для него рѣшительно не было мѣста?

Далѣе, г. Гедеоновъ приписываетъ вендское происхожденіе Дажь-богу на томъ основаніи, что его имя въ Словѣ о Полку Иго-

---

[1]) Ad. Br. II, 19.

[2]) Urkundenbuch der Stadt Lübeck I, № 7.

ревѣ пишется Даждьбогъ, въ болгарскомъ переводѣ одного греческаго хронографа оно пріурочено къ сыну Сварога, а у лютичей былъ богъ Сварожичь. Но въ Словѣ о Полку Игоревѣ имя Даждьбога пишется и Дажь богъ, и еще вопросъ, какое написаніе соотвѣтствовало оригиналу. Но допустимъ, что оно писалось Даждьбогъ, что же отсюда слѣдуетъ? По словамъ г. Гедеонова вліяніе одной народности на другую доказывается лишь такими явленіями, которыя, встрѣчаясь у этихъ двухъ народностей, неизвѣстны племенамъ, однокровнымъ съ народностію, подвергшеюся вліянію. А въ данномъ случаѣ какъ разъ наоборотъ: имя Дажь-бога встрѣчается въ русскихъ и болгарскихъ памятникахъ, но неизѣстно латинскимъ писателямъ, оставившимъ намъ сравнительно подробныя извѣстія о миѳологіи вендовъ. Отожествленіе Сварожича съ Дажь богомъ не болѣе, какъ догадка автора, и если признать ее справедливою, все же Дажь-богъ будетъ не вендскимъ божествомъ, занесеннымъ въ Русь Владиміромъ, а общеславянскимъ.

Наконецъ сдѣлаемъ одно лингвистическое замѣчаніе. Г. Гедеоновъ полагаетъ, что употребленіе въ новгородскомъ нарѣчіи *ц* вмѣсто *ч* и *щ* представляетъ одинъ изъ главныхъ признаковъ, отличающихъ западныя нарѣчія отъ восточныхъ. На сколько справедливо это положеніе, не беремся судить; но во всякомъ случаѣ оно не можетъ имѣть характера безусловнаго правила. На моей родинѣ (Рязанской губ. Касимовскаго уѣзда село Шостья) господствуетъ таже замѣна *ч* посредствомъ *ц*; «цаво (чего), цортъ (чертъ). цорный (черный)» и пр. тамъ можно слышать на каждомъ шагу, хотя въ окрестныхъ селахъ говоръ другой. Предполагать тутъ вендское, новгородское или какое другое вліяніе нельзя по той простой причинѣ, что при церкви хранятся акты, изъ которыхъ видно, что начало нашего села не можетъ быть отнесено далѣе, какъ къ половинѣ XVIII в., когда сюда была переведена помѣщикомъ часть жителей сосѣдней деревни, но въ этой послѣдней говоръ теперь уже нѣсколько иной (вм. цаво тамъ говорятъ щё). Общее владѣніе у обоихъ селъ лугами, продолжающееся доселѣ, хотя послѣдніе лежатъ за 20 верстъ отъ Шостьи, подтверждаетъ извѣстіе церковныхъ актовъ.

Послѣдняя глава первой части, какъ представляющая общеславянскія особенности быта нашихъ первыхъ князей и не дающая ничего въ пользу ихъ вендскаго происхожденія, можетъ быть оставлена въ сторонѣ. Такъ точно мы не станемъ разбирать и всю вторую книгу изслѣдованія г. Гедеонова частію потому, что счита-

емъ справедливымъ доказываемое въ ней основное положеніе, что Русь древняя была не пришлая норманская, финская или хозарская, а туземная и славянская, а главное потому, что вся вторая книга давно уже извѣстна русскому ученому міру и оцѣнена имъ по достоинству. Исправленія и дополненія, сдѣланныя по мѣстамъ авторомъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ современному состоянію варяжскаго вопроса.

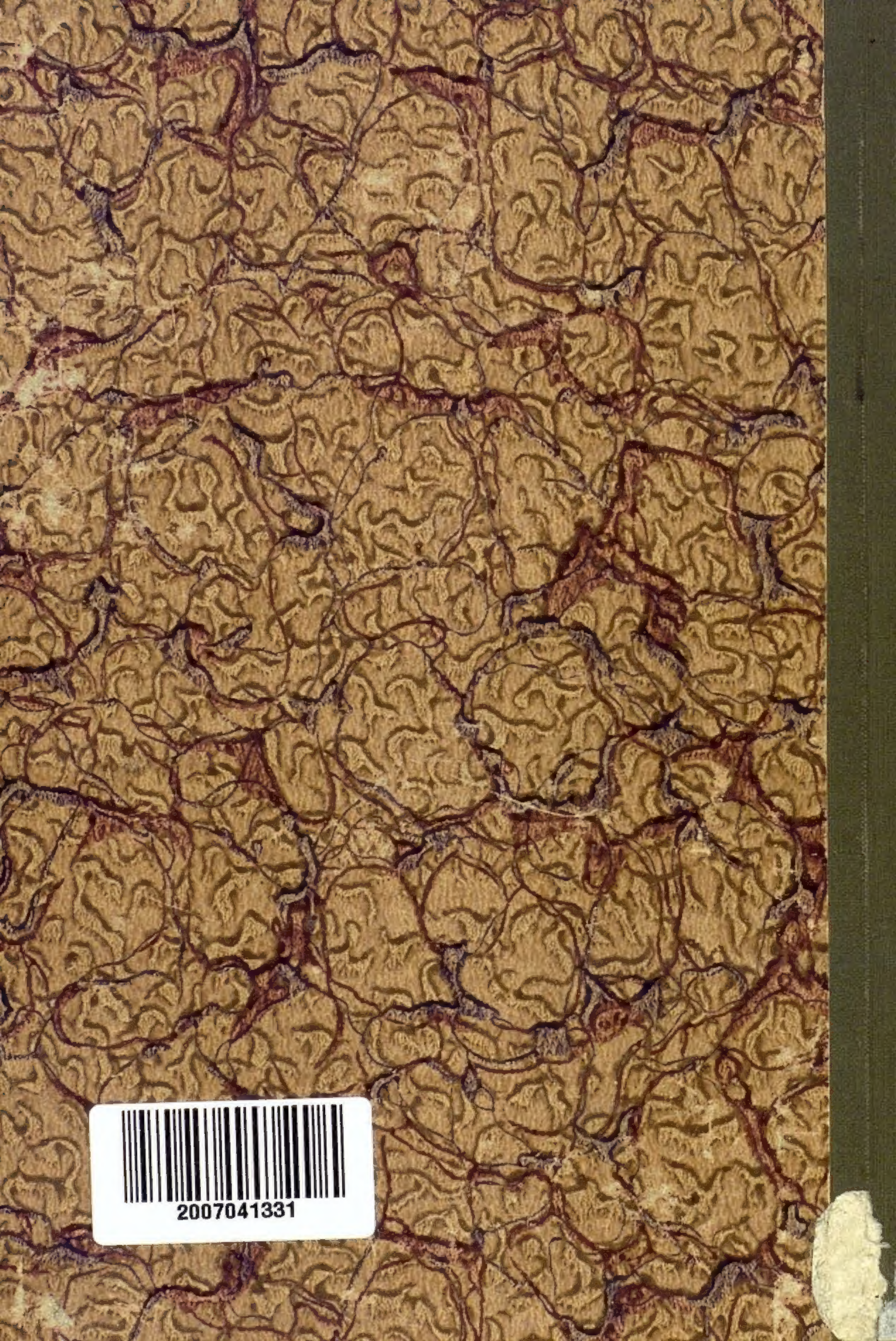
Закончивъ разборъ, попробуемъ сдѣлать выводъ, примѣнительно къ § 6 правилъ о преміяхъ гр. Уварова.

Изслѣдованіе г. Гедеонова, какъ представляющее попытку пересмотрѣть и разрѣшить варяжскій вопросъ въ цѣломъ его объемѣ, конечно должно быть признано вполнѣ соотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ русской исторической науки: оно является какъ разъ въ ту минуту, когда норманисты, оправившись отъ ударовъ, нанесенныхъ имъ въ 1862 — 3 г. нашимъ же авторомъ, приступили къ перестройкѣ своей системы въ иномъ видѣ И нужно отдать честь автору, онъ по прежнему мѣтко указываетъ на слабыя стороны противниковъ и умѣетъ сбивать ихъ съ избранныхъ ими позицій. Но являясь самымъ опаснымъ врагомъ норманской системы, г. Гедеоновъ, по нашему мнѣнію, оказывается не особенно осмотрительнымъ при постройкѣ своей собственной: то онъ употребляетъ въ дѣло матеріалъ весьма сомнительнаго качества (преданія), то неудачно примѣняетъ научные пріемы къ объясненію источниковъ, то впадаетъ даже въ противорѣчія съ самимъ собою. Его система вендскаго происхожденія варяжскихъ князей, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ ее представилъ, едва ли будетъ усвоена русскою историческою наукою. Впрочемъ, слабость системы зависитъ не столько отъ вины автора, сколько отъ скудости средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и во всякомъ случаѣ изслѣдованіе «Варяги и Русь» цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1878 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

2007041331